

Вен Устинов

ПРОВОДНИК И НАСЛЕДИЕ СВЕТА

Вениамин Устинов

Проводник и Наследие Света

<https://litres.ru/74605443>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир изменился. То, что казалось теорией заговора, стало правдой: люди живут в страхе, разделённые экранами и ложью, а те, кто управляет ими, цепляются за власть, чувствуя, что их время уходит.

Но там, где темно, зажигается свет.

Влад и Лена — Проводник и Целительница — больше не одиноки. К ним приходит Сергей Воронов, бывший офицер спецназа, который знает: систему страха победит лишь один принцип. Не разделяй и властвуй. Объединяй и царствуй.

Так рождается Община Света — не партия, не секта, а сеть людей, помогающих друг другу и защищающих слабых.

Но Тьма меняет обличье. Она становится «Серыми» — теми, кто предлагает сделку: «Не мешайте нам». Влад отказывается.

А в глубине Земли просыпается древняя сила. Лена слышит её зов: планета устала от боли.

Это история о том, как свет становится наследием. О том, как Россия — сердце Земли — проходит очищение. О том, что будущее не приходит. Оно создаётся. Каждым выбором.

Содержание

Глава 1. Голос Земли	4
Глава 2. Ученики	13
Глава 3. Ветеран	24
Глава 4. Книга Земли	33
Глава 5. Серые	42
Глава 6. Сны Святозара	52
Глава 7. Первое исцеление города	60
Глава 8. Давление системы	70
Глава 9. Устав Общины	80
Глава 10. Пробуждение Аркаима	87
Глава 1	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Вениамин Устинов

Проводник и Наследие Света

Глава 1. Голос Земли

Лена проснулась за минуту до рассвета.

Не от будильника — тот давно валялся где-то под кроватью, забытый за ненадобностью. И не от петухов, которых в их хозяйстве не было. Она проснулась от зова.

Земля звала.

Это было не словами и не звуком. Скорее — вибрацией, которая шла откуда-то из-под половиц, от фундамента дома, от самой глубины, куда не достают корни даже самых старых тополей. Лена лежала, прижавшись к тёплому боку Влада, и слушала. Сначала — как обычно: шёпот травы под окном, сонное бормотание яблони в саду, тихое дыхание речки за огородом. Всё как всегда.

А потом Земля заговорила.

Не громко. Не страшно. Но так, что Лена села на кровати, прижав ладони к одеялу, будто пытаясь удержать это ощущение.

«Устала...»

Одно слово. Одно чувство. Такое огромное, что Лена задохнулась.

— Лен? — Влад проснулся мгновенно, как всегда. Сел рядом, обнял за плечи. — Что случилось? Ты вся дрожишь.

— Она говорит, — прошептала Лена. — Земля. Она... она устала, Влад.

Он не спросил «кто говорит». Не спросил «что значит устала». Он просто прижал её к себе крепче и стал ждать. За годы вместе он научился: если Лена слышит — надо молчать и слушать вместе с ней.

За окном светало. Первый луч скользнул по половицам, тронул край кровати, коснулся босых ног Лены — и она вздрогнула.

— Она просит помощи, — сказала Лена тихо. — Не для себя. Для людей. Она говорит... — Лена зажмурилась, вслушиваясь. — Говорит, что люди забыли. Что они сами себя загнали в клетку. И не видят, что клетка открыта.

Влад помолчал, потом сказал:

— Ты можешь спросить, что именно она хочет?

Лена закрыла глаза. Положила ладони на пол. Долго сидела так — Влад слышал, как под её пальцами что-то едва слышно гудит, будто в глубине дома проснулся невидимый улей.

— Она хочет, чтобы мы увидели, — наконец сказала Лена. — По-настоящему увидели, что происходит. Не только рядом с нами. Везде.

Она открыла глаза. В них стояли слёзы.

— Влад, она показывает мне... людей. Много людей. Они сидят в комнатах, смотрят в экраны и боятся. Боятся друг друга. Боятся соседей. Боятся незнакомцев. Боятся тех, кто не такой, как они. А те, кто ими управляет, — они этим пользуются. Они специально сделали так, чтобы люди боялись.

— Теории заговора? — тихо спросил Влад.

— Это не теории, — ответила Лена. — Это правда. Только не в том виде, как её представляют. Никаких злодеев в чёрных плащах. Просто... система. Система страха. Люди, которые когда-то решили, что управлять легче, если разделить. И теперь эта система живёт своей жизнью. Она кормится страхом. Она дышит им.

Влад встал, подошёл к окну. За стеклом вставало солнце — обычное, тёплое, мирное. Пели птицы. Дядя Паша во дворе колол дрова. Мирослав и Злата возились у летней кухни, и оттуда пахло кашей.

Обычное утро обычного посёлка.

— И что мы можем сделать? — спросил Влад. — Мы не политики. Не чиновники. Мы просто...

— Проводники, — закончила Лена. — Мы — проводники. Мы проводим свет. Это и есть наша работа.

Она встала, подошла к нему, обняла со спины.

— Земля сказала ещё одну вещь.

— Какую?

— Что она не будет ждать вечно. Она даёт людям время.

Но не бесконечное. И если люди не очнутся сами — она очнётся за них. А это будет больно.

Влад обернулся:

— Что это значит?

— Не знаю, — честно ответила Лена. — Но она показала мне... пожары. Наводнения. Не как наказание. Как очищение. Она не хочет этого. Но если люди не остановятся — придётся.

Они стояли молча, глядя, как солнце поднимается над лесом. Где-то в доме проснулся Святозар — послышался топот босых ножек и звонкий голос:

— Мам! Пап! Жук проснулся! Он сказал, что сегодня будет хороший день!

Лена улыбнулась сквозь слёзы:

— Он прав. День будет хороший. Просто... непростой.

После завтрака Влад ушёл в мастерскую — чинить старый приёмник, который попросил дядя Паша.

Мастерская была его убежищем. Небольшой сарайчик, пропахший машинным маслом и опилками, с верстаком, ящиками для инструментов и старой лампой под потолком. Влад любил здесь сидеть — не только работать, но и думать. Провода, схемы, порядок — всё это успокаивало.

Но сегодня работа не шла. Мысли возвращались к утреннему разговору. Система страха. Разделяй и властвуй. Люди, которые боятся друг друга. Это же не где-то там, в далёких городах. Это здесь. В посёлке. Бабки на лавочках, которые

косятся на Мирослава и Злату. Мужики, которые шепчутся за спиной. Даже он сам — сколько раз за последние годы он чувствовал этот холодок отчуждения?

Влад отложил пассатижи, потёр глаза.

И тут взгляд упал на полку, где среди хлама лежала странная вещица — небольшая металлическая дуга с язычком посередине. Он нашёл её года два назад, когда разбирал старый дом бабки Матрёны. Не понял тогда, что это, сунул на полку и забыл.

Сейчас он взял её в руки. Тяжёлая. Тёмный металл, чуть шершавый. Язычок подрагивает, если его тронуть.

Варган.

Влад вспомнил, как дед Семёныч рассказывал: «Раньше у нас в деревне на варгане играли. Не для веселья — для настроя. Душа чтоб на место встала».

Влад приложил варган к губам. Неумело. ударил пальцем по язычку.

И услышал.

Нет, не звук в обычном смысле. Вибрацию. Она прошла сквозь зубы, через кости черепа, вниз — в шею, в грудь, в живот. Влад почувствовал, как что-то внутри него, до этого момента сжатое в тугий комок, начало расслабляться. Комок был где-то в солнечном сплетении — там, где он годами носил тревогу, ответственность, страх за Лену, за детей, за всех, кого они спасали.

Вибрация шла. Варган гудел. И тревога таяла.

Влад закрыл глаза и просто дышал. Вдох — вибрация. Выдох — тишина. Вдох — вибрация. Выдох — покой.

Он не знал, сколько прошло времени. Может, минута. Может, полчаса. Когда он открыл глаза, в мастерской было светло, а лампа под потолком — та самая, которую он давно собирался починить — горела ровным светом.

Влад посмотрел на лампу. Потом на варган. Потом снова на лампу.

Он не чинил её. Он вообще к ней не прикасался.

— Ничего себе, — прошептал Влад.

Вечером он сидел на крыльце с варганом в руках и пытался объяснить Лене.

— Понимаешь, оно не просто звучит. Оно выравнивает. Я чувствую, как что-то внутри становится на место. Как будто... как будто моя аура — если её можно так назвать — перестала дрожать.

Лена села рядом, положила голову ему на плечо:

— Покажи.

Влад приложил к зубам, ударил пальцем по язычку. Варган загудел — тихо, мягко. И Лена вдруг почувствовала, как зелёные нити, которые всегда тянулись от неё к земле, выпрямились. Как будто кто-то провёл гребнем по спутанным волосам.

— Ох, — выдохнула она. — Влад, это... это же инструмент. Настоящий. Он не просто успокаивает. Он настраивает.

— Вот и я о том, — кивнул Влад. — Я думаю, это можно использовать. Для лечения. Не только травы, не только руки. Звук. Вибрация. Варган — он же на 432 герцах, я где-то читал. Это частота, которая ладит с телом. С аурой. С землёй.

— Варганотерапия, — улыбнулась Лена. — Звучит.

— А главное — работает, — Влад подул ещё раз, и лампа в сенях, которую они давно собирались выбросить, мигнула и загорелась.

Лена рассмеялась:

— Ты теперь и технику чинишь, и души.

— Я электрик, — пожал плечами Влад. — Просто провожу ток. Иногда через провода. Иногда через звук.

Из дома выбежал Святозар, за ним — Аня и Катя.

— Пап, а что это за штука? Она гудит!

— Это варган, — ответил Влад. — Хочешь попробовать?

Святозар прислонил ко рту, стукнул слегка пальцем по язычку. Неумело, но с восторгом. Варган отозвался — низко, протяжно. И мальчик вдруг замер, прислушиваясь к чему-то внутри себя.

— Ой, — сказал он. — Оно там звенит. Как колокольчик. Красиво.

Влад переглянулся с Леной.

— Кажется, у нас новый инструмент, — тихо сказала она.

— Кажется, — согласился он. — И новая работа.

Ночью, когда все уснули, Лена вышла на крыльцо. Земля молчала. Но это молчание было не тяжёлым, а благодарным.

Как будто она сказала своё — и теперь ждала.

Лена прижалась ладонями к доскам крыльца.

— Мы справимся, — прошептала она. — Мы слышали. Мы поняли. Мы будем делать.

В ответ пришла волна тепла. Слабая, но отчётливая. Как будто Земля вздохнула — с облегчением.

Из дома вышел Влад, сел рядом. В руках — варган.

— Не спится? — спросил он.

— Слушаю, — ответила Лена.

— И что слышишь?

— Что она пока подождёт. Что она верит в нас.

Влад играл на варгане. Тихая вибрация поплыла над спящим посёлком — над домом дяди Паши, над летней кухней, где спали Мирослав и Злата, над домом Радмира и Радмилы, над всей этой маленькой землёй, которая стала их домом.

Лена закрыла глаза и слушала.

А где-то далеко, в большом городе, в комнате с задёрнутыми шторами, человек в дорогом костюме смотрел на экран и хмурился. На экране был график — и график шёл вниз.

— Что это? — спросил он у помощника.

— Не знаем, — ответил тот. — Люди перестают бояться. В нескольких регионах — массово. Они выходят на улицы, знакомятся с соседями, помогают друг другу. Это... не по плану.

Человек в костюме долго молчал. Потом сказал:

— Найдите, кто за этим стоит. И остановите.

Но он не знал, что остановить это уже невозможно. Потому что это не организация. Не партия. Не заговор.

Это просто люди, которые слышали голос Земли.

Глава 2. Ученики

Утро в доме Влада и Лены начиналось не с будильника, а с топота.

Святозар просыпался раньше всех — в пять, иногда в полшестого. И первым делом бежал не к родителям, не к еде, а во двор. Потому что во дворе его ждали.

— Доброе утро, яблоня, — говорил он, прижимаясь лбом к старому стволу. — Как спалось? Сок пошёл?

Яблоня молчала. Но Святозар знал: она слышит. Просто отвечает не словами, а теплом. Сегодня тепло шло от корней — значит, дерево довольно, весна будет хорошая.

— Доброе утро, трава. Доброе утро, муравьи. Доброе утро, облако.

Облако, конечно, не отвечало — оно было слишком высоко. Но Святозар всё равно здоровался. На всякий случай. Вдруг услышит.

— Святозар! — раздавался голос Лены из окна. — Иди есть, философ!

— Мам, я не философ! Я проводник!

— Проводник, иди есть!

За столом собиралась вся семья. Влад — с варганом нашее (он теперь не расставался с ним), Лена — с травяным чаем, Мирослав и Злата — с кашей, Радмир и Радмила — с пирогами, Аня и Катя — с сонными глазами. И Святозар —

с целой охапкой новостей.

— Мам, яблоня сказала, что будет много яблок. А ещё муравьи сказали, что дождь будет после обеда. А ещё...

— Ешь, — перебивала Лена. — Новости подождут.

Но новости не ждали. Новости копились.

Святозару было три с половиной года. Для обычного ребёнка — возраст, когда учат цвета и буквы. Для Святозара — возраст, когда он уже учил других.

Всё началось случайно.

Аня и Катя, которые жили теперь в доме Влада и Лены (Аня — официально удочерённая, Катя — с матерью, тётей Клавой, в соседнем доме), часто играли во дворе. И однажды Аня прибежала к Лене с круглыми глазами:

— Тётъ Лен, а Святозар говорит, что может научить меня слышать!

— Слышать что?

— Ну... всё! Траву, ветер, жуков. Он говорит, что это просто. Надо только тихо-тихо внутри себя сделать.

Лена тогда не придавала значения. Дети играют. Но через неделю Катя пришла и сказала:

— А я слышала, как берёза плачет.

— Плачет?

— Ну да. У неё ветка сломана, вот она и плачет. Святозар сказал, что её надо полечить.

Лена пошла посмотреть. Берёза у забора действительно была с надломленной веткой — старой, зажившей, но, видимо,

всё ещё «болевшей» по каким-то своим, древесным меркам. Святозар сидел под ней, прижавшись ладошками к стволу, и что-то шептал.

— Сынок, что ты делаешь?

— Говорю ей, что она красивая. И что ветка заживёт. Мам, она боится, что её срубят. Ты не дашь её срубить?

Лена присела рядом:

— Не дам. А ты... ты правда слышишь?

— Ага. Только не ушами. Вот здесь, — он показал на грудь. — И здесь, — на живот. — И здесь, — на макушку. Есть такое место... не место, а поле. Где всё, что было, и всё, что будет. Оно вокруг нас. Оно везде. Надо только настроиться. Как радио. У кого-то получается лучше, у кого-то хуже. Но может каждый.

Лена тогда пошла к Владу.

— У нас растёт... не просто проводник.

— А кто?

— Учитель.

Так родилась Школа. Хотя «школой» это назвать было сложно.

Просто во дворе дома Влада и Лены, под старой яблоней, каждый день после завтрака собирались дети. Святозар, Аня, Катя. Потом присоединился сын дяди Паши — Егорка, крепкий мальчуган лет шести, который сначала смотрел на всех как на ненормальных, а потом втянулся. Потом — соседская девочка Даша, тихая, с огромными глазами. Потом

— ещё двое.

К обеду во дворе было уже человек семь.

— Итак, — важно говорил Святозар, стоя на пеньке, как на трибуне. — Сегодня учимся слушать воду.

— Воду? — переспросил Егорка. — Она же не говорит.

— Говорит, — уверенно ответил Святозар. — Просто ты не слышишь. Вот смотри.

Он подвёл всех к бочке с водой, которая стояла под водостоком. Приложил ладонь к поверхности.

— Закройте глаза. Сделайте внутри тихо-тихо. И слушайте.

Дети закрыли глаза. Тишина. Потом Егорка сказал:

— Ой... она... она холодная?

— Она живая, — поправил Святозар. — Она чувствует, что мы пришли. Она рада.

— Чему рада?

— Что её кто-то слушает.

Лена наблюдала за этим из окна кухни и улыбалась. Влад подошёл, обнял её со спины.

— Смотри, — сказала она. — У нас растёт смена.

— Растёт, — согласился он. — Только, кажется, они нас скоро перерастут.

Но не всё было гладко.

В тот же день, ближе к вечеру, произошёл случай с кактусом.

Кактус жил на подоконнике в комнате Мирослава и Зла-

ты. Старый, колючий, некрасивый — Злата купила его на рынке года два назад просто потому, что продавщица сказала: «Неприхотливый». И действительно — кактус не требовал ни воды, ни света, ни любви. Просто стоял в горшке и молчал.

Святозар заметил его случайно. Зашёл к Мирославу за чем-то, увидел кактус — и замер.

— Дядя Мирослав, а что это?

— Кактус. Растение такое.

— Он... он грустный.

Мирослав удивился:

— С чего ты взял?

— Он молчит. Все растения говорят. А он молчит. Значит, грустный.

Святозар подошёл к кактусу, приложил ладошку к горшку. Постоял. Потом сказал:

— Я тебя полечу.

Мирослав не придавал значения. Мало ли, ребёнок играет.

Но через час Святозар пришёл снова. И принёс компресс. Мокрую тряпочку, которой Лена обычно протирала стол.

— Что это? — спросил Мирослав.

— Лекарство. Я его намочил в травяном чае. Кактусу надо.

Он аккуратно положил тряпочку на кактус.

— Святозар, он колючий. Ты уколешься.

— Ничего. Он не виноват, что колючий. Он просто защи-

щается.

Мирослав переглянулся с Златой. Та пожала плечами: мол, пусть.

Через полчаса Святозар вернулся с новой тряпочкой.

— Ему надо чаще менять. Он пьёт.

— Кактусы не пьют через тряпку, — не выдержала Злата.

— Этот пьёт, — уверенно сказал Святозар. — Он особенный.

К вечеру кактус был обложен тряпочками со всех сторон. Святозар сидел рядом и что-то ему шептал.

— Что ты ему говоришь? — спросила Катя.

— Говорю, что он хороший. Что его никто не любил, потому что он колючий. А я буду любить.

На следующее утро кактус зацвёл.

Мирослав и Злата проснулись от запаха. Тонкого, сладкого, незнакомого. Кактус, который не цвёл никогда, стоял в горшке и был усыпан мелкими розовыми цветами.

— Этого не может быть, — сказала Злата.

— Может, — ответил Святозар, заглядывая в комнату. — Я же говорил, он хороший. Просто его надо было полюбить.

Мирослав сел на кровать и долго смотрел на кактус. Потом сказал:

— Святозар, иди сюда.

Мальчик подошёл. Мирослав взял его на руки:

— Ты знаешь, что ты сделал?

— Полюбил кактус.

— Ты сделал чудо.

— Нет, — серьёзно сказал Святозар. — Чудо — это когда что-то из ничего. А тут было что-то. Просто его никто не видел.

Злата заплакала. Мирослав обнял её одной рукой, Святозара — другой.

— Ты нас всех учишь, — сказал он. — А мы думали, что учим тебя.

— Так и должно быть, — важно ответил Святозар. — Учитель и ученик — это одно. Просто по очереди.

Слух о том, что дети Влада и Лены умеют «слышать» и «лечить», разнёсся по посёлку быстро.

Кто-то умилялся. Кто-то хмурился. А кто-то пришёл с просьбой.

Первой пришла тётя Нюра — соседка, у которой «спина отнималась» каждую весну. Она привела внука — такого же, как Святозар, лет четырёх.

— Говорят, ваш мальчик умеет... ну... — она замялась. — Спину лечит?

Лена вышла на крыльцо:

— Святозар лечит не спину. Он разговаривает. С землёй, с растениями, с телом.

— А спина?

— Спина — это тело. Тело слушает землю. Если земля спокойна — и тело спокойно.

Тётя Нюра не поняла, но внука оставила. Сказала:

— Пусть поиграет с вашими. Может, научится чему.

Внука звали Тимур. Он был городской — приехал на лето к бабушке. Смотрел на всех с недоверием, в кармане держал телефон, из которого не вылезал.

— Привет, — сказал Святозар. — Ты кто?

— Тимур.

— А я Святозар. Хочешь, научу тебя слышать?

— Чего слышать?

— Всё.

Тимур пожал плечами:

— Ну, давай.

Через час он сидел на траве, прижавшись ухом к земле, и говорил:

— Оно... оно гудит?

— Да! — обрадовался Святозар. — Это земля. Она живая.

— А телефон тоже живой?

— Нет. Телефон — это вещь. А земля — живая. Разница есть.

Тимур задумался. Потом вытащил телефон и посмотрел на него как на что-то чужое.

— А он мне говорил, что земля — это просто грязь.

— Кто говорил?

— Телефон. Ну, то есть, там было видео. Что земля — это ресурс. Что её надо использовать.

Святозар нахмурился:

— Это неправда. Земля — не ресурс. Земля — мама. Она нас кормит, поит, держит. Если её использовать — она устанет. А если её любить — она будет радоваться.

Тимур долго молчал. Потом сказал:

— А можно я ещё приду?

— Приходи. Мы каждый день тут. Только телефон оставляй дома. Он мешает слушать.

Вечером Влад сидел на крыльце и играл на варгане.

Звук был тихий, тягучий, и от него по всему двору расходились волны тепла. Дети, которые весь день носились как угорелые, сидели на траве и слушали. Даже Тимур — без телефона.

— Пап, — сказал Святозар. — А можно я тоже попробую?

Влад протянул ему варган. Святозар приложил к зубам, стукнул легко по язычку — неумело, но с душой. Звук получился низкий, гудящий.

И вдруг все почувствовали: что-то изменилось. Воздух стал плотнее, теплее. Трава под ногами засветилась слабым зелёным светом — не видимым глазами, а ощущаемым кожей.

— Ого, — выдохнул Егорка.

— Это варган, — сказал Влад. — Он настраивает.

— Настраивает на что?

— На лад. На мир. Внутри и снаружи.

Лена вышла на крыльцо, села рядом. Святозар подул ещё раз — и Лена почувствовала, как зелёные нити от её ладо-

ней к земле стали ровнее. Как будто кто-то провёл по ним гребнем.

— Влад, — тихо сказала она. — Это не просто инструмент. Это лекарство.

— Я знаю, — ответил он. — Я думаю, мы можем этому учить. Варганотерапия. Звук, который ладит ауру.

— И детей?

— И детей. Они уже чувствуют. Просто надо дать им инструмент.

Святозар стукнул по язычку ещё раз — и на этот раз варган отозвался сам. Звук пошёл не от дыхания, а откуда-то из глубины, из того самого места, где у него «звенело». Мальчик замер:

— Пап, он сам играет.

— Это не он, — улыбнулся Влад. — Это ты. Ты просто разрешил ему.

Ночью, когда все уснули, Лена вышла на крыльцо и прижалась ладонями к земле.

— Мы слышим тебя, — прошептала она. — Мы учим детей. Мы делаем инструменты. Мы не оставим тебя.

Земля ответила теплом. И в этом тепле Лена вдруг услышала слова. Не свои. Не Влада. Не Велема. Сама Земля сказала:

«Хорошо. Учите. Растите. Время ещё есть. Но помните: ваши дети — ваше главное оружие. Не мечи, не стрелы. Дети, которые слышат. Они спасут мир.»

Лена заплакала. Тихо, чтобы никого не разбудить.

А утром Святозар вышел во двор, посмотрел на небо и сказал:

— Мам, а сегодня будет дождь. Муравьи сказали.

И дождь действительно пошёл. Ровно в полдень. Как по заказу.

Глава 3. Ветеран

Сергей Воронов приехал в посёлок на стареньком «УАЗе» — таком же, как у дяди Паши, только ещё более потрёпанном. Машина чихала, дымила и, судя по звуку, держалась на честном слове и на скотче.

Он вышел из неё не спеша. Высокий, широкоплечий, лет сорока пяти. Короткая стрижка с проседью, шрам на левой щеке — старый, заживший, но заметный. Глаза серые, внимательные, как у человека, который привык смотреть в оба.

Влад в это время чинил забор — точнее, делал вид, что чинит. На самом деле он смотрел, как Святозар учит Тимура «слушать камни». Тимур уже не прятал телефон в карман — он лежал на траве, прижавшись ухом к земле, и что-то сосредоточенно шептал.

— Хозяин? — окликнул Сергей.

Влад обернулся. Сразу отметил: осанка военная, взгляд цепкий, руки не в карманах — свободны, готовы. Так стоят люди, которые привыкли к тому, что за углом может быть опасность.

— Я хозяин. Влад.

— Сергей. Воронов.

Рукопожатие было крепким, коротким. Без лишних слов.

— Вы к нам надолго? — спросил Влад.

— Это как пойдёт. — Сергей обвёл взглядом двор: дети

на траве, Лена на крыльце с травами, Мирослав с топором у дров, Злата с курами. — Я слышал, у вас тут... — он замялся, подбирая слово, — ...особенное место.

— Обычное, — улыбнулся Влад. — Люди живут.

— Люди везде живут, — согласился Сергей. — Только не везде они друг за друга.

Он сказал это просто, без пафоса. Но Влад услышал в его голосе что-то знакомое — ту самую усталость, которая бывает у человека, который много видел и мало во что верит.

— Пойдёмте в дом, — сказал Влад. — Чай есть. Пирог есть. Поговорим.

За столом Сергей сначала молчал. Пил чай, ел пироги, слушал, как гомонят дети во дворе. Лена ему сразу понравилась — он это понял по тому, как она смотрит на людей. Внимательно. Без страха. Без оценки.

— Вы, я вижу, не просто так приехали, — сказала она, садясь напротив. — Что вас привело?

Сергей поставил кружку. Помолчал. Потом заговорил — негромко, ровно, как докладывают о чём-то важном.

— Я двадцать лет служил. Был в горячих точках. Видел, как люди убивают друг друга за идею, за деньги, за страх. А потом вернулся домой. В город. И понял, что здесь война та же. Только без выстрелов.

— Что вы имеете в виду? — спросил Влад.

— Разделение. — Сергей поднял глаза. — Люди перестали друг другу доверять. Сосед на соседа смотрит как на врага.

га. Молодые — на стариков. Старики — на молодых. Русские — на нерусских. Бедные — на богатых. Все — на всех. Я сначала думал: это случайность. Потом понял: это система.

— Какая система? — насторожилась Лена.

— Не партия. Не правительство. Система. — Он пожал плечами. — Это как сетевая паутина. Кто-то когда-то решил, что управлять проще, если люди боятся друг друга. Потому что страх разъединяет. А разъединёнными легче управлять. Их не надо даже завоёвывать — они сами себя победят.

Влад переглянулся с Леной. Утренний разговор о «системе страха» всплыл в памяти.

— И что вы предлагаете? — спросил он.

Сергей заговорил снова — и в его голосе вдруг появилась страсть. Не громкая, не пафосная, но настоящая.

— Я хочу создать сообщество. Не партию. Не секту. Не бизнес. Общину. Людей, которые друг за друга. Которые помогают не за деньги, а по совести. Которые защищают слабых. Которые не боятся.

— Таких общин много, — осторожно сказала Лена. — И часто они заканчиваются плохо.

— Знаю. — Сергей кивнул. — Я видел такие. Они начинают с идеи, а заканчиваются культом. Или бизнесом. Или войной. Потому что они строят вертикаль. Вождь, приближённые, паства. А надо строить сеть. Без вождей. Без паствы. Просто люди, которые знают друг друга и помогают.

— Как это работает? — заинтересовался Влад.

— Просто. Один помогает другому. Тот — третьему. Не по приказу. По совести. Если кто-то заболел — соседи приходят. Если у кого-то беда — все поднимаются. Если кто-то не может себя защитить — его защищают. Не потому что «надо». Потому что свои.

— А если кто-то захочет использовать это для себя? — спросила Лена.

— Тогда его не будет в общине, — жёстко сказал Сергей. — У нас будет правило: кто берёт больше, чем отдаёт — уходит. Не наказание. Просто — не наш.

Влад откинулся на стуле, посмотрел на Сергея долгим взглядом. Потом сказал:

— Вы знаете, что в нашем мире есть... вещи, которые не объяснить словами?

Сергей усмехнулся:

— Я двадцать лет воевал. Я видел вещи, которые не объяснить никакими словами. Так что — да. Знаю.

— Тогда, — Влад встал, — пойдёмте. Покажу вам кое-что. Он привёл Сергея в мастерскую. Там, на верстаке, лежал варган.

— Знаете, что это?

— Варган, — неожиданно ответил Сергей. — У меня дед играл. Я в детстве слышал.

— А знаете, что он делает?

— Ну... музыку?

— Не только. — Влад взял варган, дёрнул язычок. Тихая

вибрация поплыла по мастерской — и Сергей вдруг почувствовал, как плечи, которые он годами держал в напряжении, начали опускаться. Как будто кто-то снял с него невидимый груз.

— Что это? — хрипло спросил он.

— Это частота, — ответил Влад. — 432 герца. Она ладит тело и ауру. Я называю это варганотерапией. Простой инструмент, который возвращает человека к себе.

Сергей долго молчал. Потом сказал:

— Я двадцать лет не мог расслабиться. Ни разу. Даже во сне. А сейчас... — он посмотрел на свои руки. Они больше не дрожали.

— Вот об этом я и говорю, — тихо сказал Влад. — Мир болен. Не только люди — сама ткань мира. И лечить её надо не указами. Не войной. Светом. Община — это хорошо. Но община без света — просто клуб по интересам. А со светом — это сеть света.

— Сеть света, — повторил Сергей. — Мне нравится.

— Разделяй и властвуй — это их метод, — сказал Влад.
— Наш метод — объединяй и царствуй.

Сергей поднял бровь:

— Царствуй?

— Не над людьми, — уточнил Влад. — В сердце. Царствуй — значит, будь хозяином своей жизни. И помощником для соседа. Не господином, а опорой.

Сергей долго смотрел на него. Потом протянул руку:

— Я в деле.

Вечером они сидели у костра — всей семьёй и Сергей.

— Расскажите о себе, — попросила Злата. — Почему вы пришли именно к нам?

Сергей помолчал. Потом сказал:

— Я слышал о вас от одного человека. Он сказал: «Есть люди, которые лечат не тело, а душу. Они не берут денег. Они не строят храмов. Они просто живут так, что рядом с ними хочется быть лучше». Я не поверил. Думал: сказки. Но потом увидел — в городе, на площади. Ваш сын... — он кивнул на Святозара, — ...он был там? С вами?

Лена насторожилась:

— Мы были в городе месяц назад. Лечили ребёнка.

— Я видел, — сказал Сергей. — Я стоял в толпе. И видел, как вы вышли из дома, и как люди вокруг затихли. Не от страха. От чего-то другого. Как будто что-то важное произошло. Я тогда не понял. А теперь — понимаю.

— И что вы поняли? — спросил Влад.

— Что вы — настоящие, — просто ответил Сергей. — Не притворяетесь. Не играете. Просто живёте. И этого достаточно, чтобы мир вокруг менялся.

Он посмотрел на огонь, потом на детей, потом на Влада и Лену.

— Я хочу построить это. Не для себя. Для всех. Общину, где люди вспомнят, что они люди.

— А что взамен? — спросила Лена.

— Ничего, — ответил Сергей. — Просто буду помогать. Чем могу. Я умею строить. Умею защищать. Умею организовывать. Это мои инструменты. А ваши — свет. Вместе — сила.

Влад встал, подошёл к нему, положил руку на плечо:

— Добро пожаловать в семью.

Ночью Лена вышла на крыльцо. Сергей сидел на ступеньках, смотрел на звёзды.

— Не спится? — спросила она.

— Привычка, — ответил он. — На войне сон — роскошь.

Она села рядом.

— Вы хороший человек, Сергей.

— Не знаю, — честно сказал он. — Я делал много плохого. На войне. И после. Но я хочу исправить. Если это возможно.

— Возможно, — уверенно сказала Лена. — Мы все исправляем. Каждый день. По чуть-чуть.

Он посмотрел на неё:

— Вы верите в это?

— Верю, — сказала она. — И Земля верит.

— Земля?

— Она устала, — тихо сказала Лена. — Она хочет, чтобы мы очнулись. И мы очнёмся. Все вместе. Вы, я, Влад, дети, весь мир. Просто нужно время.

Сергей помолчал. Потом сказал:

— Знаете, я двадцать лет не верил ни во что. А сейчас...

— он усмехнулся, — ...кажется, начинаю.

— Это хорошо, — улыбнулась Лена. — Вера — это первый шаг.

Она встала, пошла в дом. У двери обернулась:

— Завтра будем писать Устав. Общины. Приходите.

— Приду, — сказал Сергей.

И остался сидеть на крыльце, глядя на звёзды. Впервые за много лет ему не хотелось спать. Ему хотелось жить.

Утром, когда все собрались за столом, Влад сказал:

— Мы вчера говорили с Сергеем. И я понял: пора. Пора строить не просто семью, а сеть. Общину. Людей, которые друг за друга. Не для себя. Для всех.

— Как это будет работать? — спросил Мирослав.

— Просто, — ответил Сергей. — Один помогает другому. Тот — третьему. Не за деньги. По совести. Мы напишем Устав. Не законы — принципы. И будем жить по ним.

— А если кто-то не захочет? — спросила Радмила.

— Тогда он не с нами, — сказал Влад. — Но мы не будем его осуждать. Просто — не наш.

— А если нападут? — спросил Радмир. — Тьма. Серые.

— Защитимся, — жёстко сказал Сергей. — Я умею.

— Не силой, — поправил Влад. — Светом. Но и силой, если надо. Мы не пацифисты. Мы — проводники. Мы проводим свет. А свет иногда обжигает.

Святозар, который слушал всё это, вдруг сказал:

— Пап, а можно я тоже буду в общине?

— Ты уже в ней, — ответил Влад. — Ты — её сердце.

Святозар засиял. А Тимур, сидевший рядом, вдруг сказал:

— А я? Можно?

— Можно, — сказал Влад. — Только телефон дома остав-
ляй.

Тимур кивнул. И впервые за всё время улыбнулся.

Глава 4. Книга Земли

Велем пришёл ночью.

Не постучал, не позвал — просто появился на крыльце, как будто всегда там стоял. Влад проснулся от того, что варган на стене тихо загудел сам по себе. Он сел на кровати, прислушался. Лена уже не спала — смотрела в окно.

— Он здесь, — прошептала она.

Влад вышел на крыльцо. Велем сидел на ступеньках, опираясь на посох, и смотрел на звёзды. В свете луны он казался ещё старше, чем обычно — тень от капюшона падала на лицо, и только глаза светились тихим, ровным светом.

— Здравствуй, Велем, — сказал Влад, садясь рядом.

— Здравствуй, Проводник, — ответил старик. — Давно не виделись.

— Ты пропал после той битвы с Тьмой. Мы думали, ты отдыхаешь.

— Отдыхал, — кивнул Велем. — Но не для себя. Для вас.

Он достал из складок плаща что-то небольшое, завернутое в тёмную ткань. Положил на ступеньку между ними. Ткань развернулась сама — без рук, без ветра. Под ней лежал кристалл.

Не прозрачный, как стекло. И не драгоценный, как алмаз. Он был живой. Внутри него двигались тени — медленно, как облака в безветренный день. И глубина у него была та-

кая, что Влад почувствовал: если смотреть долго — можно упасть.

— Что это? — спросил он.

— Книга Земли, — ответил Велем. — Не книга в обычном смысле. Это не просто хроники. Это ключ к ноосфере. Земля — живая. И разум — живой. Всё, что когда-либо думало, чувствовало, мечтало — всё осталось. В ноосфере. Кристалл помогает войти. Но не все могут. И не все, кто вошёл, возвращаются.

— Предвидит?

— Земля — живая, — сказал Велем. — Она не просто помнит прошлое. Она чувствует будущее. Как дерево чувствует весну задолго до первого тепла. В этом кристалле — её знание. Но не все могут его прочесть.

— Кто может?

— Тот, кто чист сердцем. И тот, кто слышит. — Велем посмотрел на Лену, которая вышла на крыльцо и стояла, прижавшись к столбу. — Она — может. Ты — можешь. Ребёнок — тем более.

— Святозар?

— Он — дитя света, — просто сказал Велем. — Рождённый в Аркаиме, на рассвете. Он видит то, что другие не видят. И будет видеть больше.

Влад помолчал, глядя на кристалл. Внутри него что-то двигалось — и это «что-то» было похоже на жизнь.

— Зачем ты принёс его нам?

— Потому что время пришло, — ответил Велем. — Тьма не ушла. Она затаилась. Она меняет обличье. И чтобы победить её, надо знать, с чем имеешь дело. А знать можно только из хроник.

— Что там? — тихо спросила Лена, подходя.

— Всё, — ответил старик. — Прошрое. Будущее. Выборы. Ошибки. Надежды. — Он встал, опираясь на посох. — Но я не могу вам рассказать. Не потому, что не хочу. Потому что каждый видит своё. Кристалл показывает то, что человек готов увидеть. И не больше.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Велем, — окликнул Влад. — Ты вернёшься?

— Когда понадобится, — ответил старик, не оборачиваясь. — Я всегда рядом. Просто не всегда видим.

И исчез — растворился в темноте, как будто его и не было.

Влад и Лена долго сидели на крыльце, глядя на кристалл.

— Что будем делать? — спросила Лена.

— Смотреть, — ответил Влад. — Завтра. Утром. Не сейчас.

— Почему не сейчас?

— Потому что сейчас — ночь. А ночью всё кажется страшнее, чем есть. — Он улыбнулся. — Пойдём спать. Утро вечера мудренее.

Лена кивнула. Но перед тем как уйти, она прикоснулась к кристаллу — легко, кончиками пальцев. И почувствовала тепло. Как будто кристалл узнал её.

Утром они собрались в большой комнате — все, кто был в доме. Влад, Лена, Мирослав, Злата, Радмир, Радмила, Сергей. Дети — Святозар, Аня, Катя — тоже были тут, но им сказали сидеть тихо и не мешать.

Кристалл положили на стол. Он лежал, поблёскивая, и внутри него двигались тени.

— Кто первый? — спросил Влад.

— Ты, — ответила Лена. — Ты — проводник. Тебе и начинать.

Влад сел за стол, положил ладони на кристалл. Закрыв глаза. И увидел.

Сначала — тьму. Потом — точку света. Точка росла, расширялась, и вдруг перед ним развернулось полотно. Как экран, только живой. Как сон, только явный.

Он увидел прошлое. Давнее. Тысячи лет назад. Люди, которые жили в ладу с землёй. Они слышали травы, говорили с ветром, лечили прикосновением. Это было время проводников. Их почитали. Их слушали. Они были мостом между мирами.

Потом пришли другие. Те, кто хотел не проводить — забирать. Они научились брать силу, но не отдавать. Они называли себя владыками. Они сказали людям: «Вы слабые. Вы беспомощные. Без нас вы пропадёте». И люди поверили. Потому что боялись.

Так родилась система. Не злодеи в чёрных плащах. Не заговорщики в подземельях. Просто люди, которые решили,

что управлять легче, если разделить. Разделить на богатых и бедных. На своих и чужих. На умных и глупых. На верующих и неверующих. Пока люди спорят между собой — они не замечают, кто держит нити.

Влад видел, как эта система росла. Как она меняла обличья. Как она становилась религией, потом государством, потом корпорацией, потом сетью. Как она создавала страх — не насилием, а информацией. Людям говорили: «Бойся соседа. Бойся незнакомца. Бойся тех, кто не такой, как ты. Бойся, бойся, бойся». И люди боялись. И разделялись. И не замечали, что их используют.

А потом Влад увидел будущее.

Он увидел города, охваченные страхом. Люди, прикованные к экранам. Люди, которые не знают соседей по имени. Люди, которые боятся выйти на улицу. Система стала везде. Она не правит — она дышит. Она в каждом доме, в каждом телефоне, в каждой голове.

Но он увидел и другое. Островки света. Маленькие, как искры. Люди, которые собираются вместе. Не по приказу — по зову. Они поют. Они лечат. Они растят хлеб. Они защищают друг друга. Они не боятся. И этих искр становится больше.

А где-то в глубине — Россия. Влад увидел её не как страну на карте, а как сердце. Огромное, тёплое, живое. Сердце, которое бьётся для всех. Но сейчас оно болеет. Закрытое, окутанное страхом, разделённое на тысячу частей. И всё же

— живое. И оно хочет очнуться.

Влад увидел, как сердце начинает биться ровнее. Как искры света собираются в нём. Как люди вспоминают, что они люди. Как Россия становится первой, кто говорит: «Хватит. Мы больше не будем бояться».

Он увидел будущее — не как приговор, а как выбор. Оно ещё не случилось. Оно может случиться. Если люди очнутся. Если искры соберутся. Если свет победит.

Влад открыл глаза. По щекам текли слёзы.

— Что ты видел? — спросила Лена.

— Всё, — ответил он. — И прошлое, и будущее. И... — он посмотрел на кристалл, — ...и правду. То, что мы считали теорией заговора — это правда. Только не в том виде, как её представляют. Просто система. Система страха. Она живёт сама по себе. Она дышит страхом. И она не хочет умирать.

— Что ещё? — спросил Сергей.

— Россия, — сказал Влад. — Она — сердце. Она болеет. Но она хочет очнуться. И она очнётся. Если мы поможем.

— Как? — спросил Мирослав.

— Светом, — ответил Влад. — Искрами. Общинами. Сетью. Тем, что мы уже начали. Просто надо делать больше. И быстрее.

Он посмотрел на Лену:

— Теперь ты. Кристалл показывает каждому своё. Может, ты увидишь то, что я пропустил.

Лена села за стол. Положила ладони на кристалл. Закрыла

глаза.

И услышала.

Не увидела — услышала. Голос Земли. Тихий, глубокий, как гул подземной реки.

«Ты слышишь меня. Хорошо. Слушай. Время пришло. Люди готовы. Но они не знают, что готовы. Их надо разбудить. Не словами — присутствием. Живите так, чтобы они видели. Живите так, чтобы они хотели так же. И тогда они проснутся.»

Лена открыла глаза.

— Что? — спросил Влад.

— Она сказала: «Живите так, чтобы они видели», — ответила Лена. — И ещё... — она помолчала, — ...она сказала, что у нас мало времени. Не года — месяцы. Что-то идёт. Что-то большее, чем просто Тьма. Что-то, что она называет Очищением.

— Очищение? — насторожился Сергей.

— Она не объяснила, — сказала Лена. — Но это будет больно. И для Земли, и для людей. И это неизбежно. Вопрос только — сколько людей выстоит. И сколько очнётся до того, как оно начнётся.

Тишина повисла в комнате.

Потом Святозар, который всё это время сидел тихо, вдруг сказал:

— Мам, а можно я посмотрю?

Лена переглянулась с Владом. Влад кивнул.

Святозар сел за стол, положил ладошки на кристалл. Закрыв глаза. И вдруг улыбнулся.

— Ой, — сказал он. — Там так красиво.

— Что ты видишь? — спросила Лена.

— Свет, — ответил мальчик. — Много света. И людей. Они поют. И танцуют. И смеются. И никто не боится. — Он открыл глаза, посмотрел на взрослых. — Это будет. Я видел.

— Когда? — спросил Сергей.

Святозар задумался. Потом сказал:

— Скоро. Но не завтра. Сначала будет гроза. А потом — солнце.

Вечером они сидели у костра. Кристалл лежал в центре — не как талисман, а как напоминание.

— Итак, — сказал Влад. — Мы знаем больше, чем утром. Мы знаем, что система страха — правда. Мы знаем, что Россия — сердце. Мы знаем, что будет Очищение. И мы знаем, что свет победит. Вопрос — что мы делаем сейчас?

— Учим, — сказала Лена. — Детей. Взрослых. Всех, кто хочет.

— Строим, — сказал Сергей. — Общину. Сеть. Чтобы к моменту Очищения у нас было кому помочь и кто поможет.

— Лечим, — сказала Злата. — Тех, кто болеет. Не только телом — душой.

— Светим, — сказал Святозар. — Как солнце. Просто светим.

Все засмеялись. Но в этом смехе была правда.

— Тогда, — Влад встал, — за работу. У нас мало времени. Но достаточно, чтобы успеть.

Он взял варган, приложил к зубам, ударил пальцем по язычку. Тихая вибрация поплыла над костром, над двором, над посёлком. Дети притихли. Взрослые замерли. И каждый почувствовал: что-то начинается. Что-то большее, чем они сами.

А где-то далеко, в большом городе, в комнате с задёрнутыми шторами, человек в дорогом костюме смотрел на экран. График шёл вниз. Люди переставали бояться.

— Найдите их, — сказал он. — И остановите.

Но он не знал, что остановить это уже невозможно. Потому что это не организация. Не партия. Не заговор.

Это просто люди, которые слышали голос Земли.

Глава 5. Серые

Сергей Воронов оказался человеком, который не любил ждать.

Через три дня после того, как он появился в посёлке, во дворе дома Влада и Лены уже стоял длинный стол — сколоченный из старых досок, но крепкий. За столом сидели все: Влад, Лена, Мирослав, Злата, Радмир, Радмила. Дети играли в стороне, но нет-нет да и поглядывали на взрослых.

Сергей разложил на столе лист бумаги — плотный, чуть пожелтевший, с загнутыми краями.

— Это Устав, — сказал он. — Пока черновой. Я писал три ночи. Читайте.

Влад взял лист. Лена заглянула через плечо. Остальные придвинулись ближе.

УСТАВ ОБЩИНЫ СВЕТА

1. Один за всех, и все за одного.
2. Помогай не за деньги, а по совести.
3. Не осуждай — предлагай.
4. Защищай слабого — это твоя сила.
5. Уважай землю, которая тебя кормит.
6. Учись сам — учи другого.
7. Свет не прячь. Но и не навязывай.
8. Кто берёт больше, чем отдаёт — уходит. Без злобы.

Просто — не наш.

— Восемь пунктов, — сказал Сергей. — Можно больше, можно меньше. Но эти — главные.

Мирослав долго молчал, глядя в лист. Потом сказал:

— Третий пункт. «Не осуждай — предлагай». Это про нас. Про тех, кто был в тьме. Мы боялись осуждения. А если бы нам тогда *предложили* — мы бы раньше ушли.

— Это и есть суть, — кивнул Сергей. — Община — не суд. Община — *опора*.

Лена вдруг отложила лист и встала.

— Я кое-что нашла, — сказала она. — Вчера. В интернете. Случайно.

Она принесла ноутбук — старенький, с треснувшим экраном, который Влад починил год назад. Открыла вкладку.

— Вот. Статья. Про ноосферу.

Влад придвинулся. Остальные тоже.

«Ноосфера, — читала Лена вслух, — от греческого «ноос» — разум, и «сфайра» — шар. Сфера разума. Новая стадия развития биосферы, при которой разумная деятельность человека становится главным фактором, определяющим изменения планеты» .

Она помолчала, потом продолжила:

— Это Вернадский. Владимир Иванович. Русский учёный. Он писал, что человечество стало силой, сравнимой с геологическими процессами. Что мы меняем русла рек, создаём новые материалы, осваиваем космос. И что теперь на нас лежит *ответственность* — потому что мы влияем на

всё .

— И что? — спросил Радмир.

— А то, — Лена посмотрела на него, — что это то же самое. То, что мы делаем. То, что я слышу. То, что Святозар видит. Ноосфера — это то, что Велем называет «Книгой Земли». Это *поле*. Океан разума. Там всё: прошлое, будущее, мысли, чувства. Всё, что когда-либо думало человечество. И не только человечество.

— И ты можешь туда «заходить»? — спросил Сергей.

— Могу, — тихо сказала Лена. — Но я думала, что это только наш дар. А оказывается, этому ***учат***. Есть школы. Ноосферное образование. В Красноярске, в Екатеринбурге, ещё где-то. Детей учат «получать информацию из ноосферы» .

Тишина повисла над столом.

— Значит, мы не одни, — сказал Влад.

— Не одни, — кивнула Лена. — И это меняет всё. Если этому можно *учить* — значит, можно научить многих. Не только Святозара. Не только Аню и Катю. Всех.

Сергей откинулся на стуле, скрестив руки:

— То есть вы хотите сказать, что этот... ноосфера... это то, из чего вы берёте информацию?

— Да, — ответила Лена. — Только мы называли это по-разному. Я — «голосом Земли». Влад — «чтением мыслей». Святозар — «светом». А это — *одно*. Просто слова разные.

— И это научно? — Сергей прищурился.

— Вернадский — академик, — сказала Лена. — Это не эзотерика. Это наука. Просто наука, которую мы разучились понимать. Как разучились слышать травы. Как разучились видеть ауры.

Влад взял лист с Уставом, положил рядом с ноутбуком.

— Восемь пунктов, — сказал он. — А девятый будет такой: «Мы — часть ноосферы. Мы не хозяева её — мы проводники. Свет, который мы проводим, идёт оттуда. И туда же возвращается».

Сергей подумал, потом кивнул:

— Принимается.

Но не все в посёлке были рады Общине.

Слухи поползли на следующий день. Кто-то из бабок увидел, как Мирослав и Радмир помогали чинить крышу вдове на другом конце посёлка — бесплатно. И вместо благодарности пошли шепотки:

— С чего это они вдруг добрые? Неспроста это. Наверняка что-то задумали.

— Секта это. Я слышала, они там ночами собираются. Кругом стоят, руки держат. Молятся кому-то.

— А варган этот? Зачем он? Может, они людей зомбируют через него?

Влад слышал эти разговоры. Слышал через чтение мыслей — и это было тяжелее всего. Потому что знал: люди не злые. Они боятся. А страх — это то, на чём стоит система.

Вечером он сидел на крыльце, крутя в руках варган. Лена вышла, села рядом.

— Что слышал? — спросила она.

— То же, что и всегда. «Секта», «зомбируют», «неспроста». — Влад вздохнул. — Я устал, Лен. Мы лечим людей. Помогаем. А они боятся.

— Они всегда будут бояться, — сказала Лена. — Потому что система *учила* их бояться. Годами. Десятилетиями. Мы не можем это сломать за месяц.

— А сколько можем?

— Не знаю. Но Земля сказала: время есть. Но не бесконечно.

Она помолчала, потом сказала:

— Влад. Я кое-что видела. Когда читала про ноосферу. Там было про Серых.

— Серых?

— Не в статье. В комментариях. Люди писали, что есть такие — не злые, не добрые. Просто никакие. Они служат системе, потому что так удобнее. Боятся потерять место. Боятся высывываться. Боятся всё.

— И что?

— А то, что они опаснее Тьмы. Потому что Тьма — это открытый враг. А Серые — это соседи. Коллеги. Чиновники. Они не мешают злу — они позволяют ему быть. И считают себя хорошими. Потому что «я никого не убивал», «я просто работаю», «это не моё дело».

Влад долго молчал. Потом сказал:

— Ты думаешь, они придут?

— Уже пришли, — тихо ответила Лена. — Просто мы их не видим. Пока.

Серые пришли через неделю.

Не с угрозами. Не с оружием. Они пришли **с предложением**.

Двое мужчин в аккуратных костюмах, с папками в руках. Один — высокий, седой, с усталыми глазами. Второй — помоложе, с бегающим взглядом. Они припарковались у дома Влада и Лены на чёрной машине — не новой, но чистой.

Влад вышел на крыльцо.

— Здравствуйте, — сказал седой. — Меня зовут Ратибор Игоревич. Я из администрации. Мы слышали о вашей... деятельности.

— Какой деятельности? — спокойно спросил Влад.

— Исцеление. Община. Всё это. — Ратибор улыбнулся. Улыбка была вежливой, но глаза остались холодными. — Мы хотим предложить сотрудничество.

— Какое?

— Официальное. Мы дадим вам помещение. Финансирование. Возможность работать легально. Лечить людей. Учить детей. Всё, что вы делаете — но в рамках системы.

Влад посмотрел на него. Включил чтение мыслей.

И увидел.

Ратибор не был злым. Он был *пустым*. Внутри — ничего. Ни веры, ни надежды, ни страха. Только привычка. Привычка делать то, что «надо». Привычка не задавать вопросов. Привычка *не видеть*.

— А взамен? — спросил Влад.

— Взамен — вы не выходите за рамки. Не лечите «неудобных» людей. Не создаёте общины за пределами посёлка. Не привлекаете внимания. — Ратибор говорил ровно, как будто читал с листа. — Мы не против вашей деятельности. Мы просто хотим, чтобы она была под контролем.

— Под чьим?

— Под нашим. — Ратибор чуть наклонил голову. — Это не угроза. Это забота. Система заботится о порядке. А порядок — это стабильность. Стабильность — это безопасность. Вы же хотите безопасности?

Влад молчал. Внутри него поднималась волна — не гнева, а жалости. Ратибор не понимал. Он искренне не понимал, о чём говорит.

— Ратибор Игоревич, — сказал Влад. — Вы верите в Бога?

Мужчина моргнул:

— Простите?

— В Бога. В свет. В добро. Во что-нибудь. Вы верите?

— Я... — Ратибор замялся. — Я верю в порядок. Это важнее.

— Для кого?

— Для всех.

— А если порядок — это клетка? — тихо спросила Лена, выходя на крыльцо. — Если порядок держится на страхе? Если люди боятся друг друга — и это называется «стабильность»?

Ратибор посмотрел на неё. На секунду в его глазах что-то мелькнуло — тень. Может, сомнение. Может, воспоминание. Но тут же исчезло.

— Я не пришёл спорить, — сказал он. — Я пришёл предложить. Подумайте.

Он положил на крыльцо визитку и ушёл. Молодой помощник последовал за ним.

Влад поднял визитку. На ней было только имя и номер телефона. Ничего больше.

— Что скажешь? — спросила Лена.

Влад долго смотрел на машину, которая уже скрылась за поворотом.

— Это не Тьма, — сказал он. — Это хуже. Тьма знает, что она — тьма. А эти... они думают, что они — свет. Просто *серый* свет.

— Как серый туман, — сказала Лена. — Не чёрный. Не белый. Просто *никакой*. И от него холодно.

— Да, — Влад взял варган, приложил к зубам, ударил по язычку. Вибрация поплыла над двором — тихая, ровная. — Но мы всё равно будем светить. Даже в тумане.

Ночью Лена долго не могла уснуть.

Она вышла на крыльцо, села, прижалась ладонями к земле.

— Ты слышишь меня? — прошептала она.

Тепло. Ровное, глубокое.

— Они пришли. Серые. Что делать?

Ответ пришёл не словами. Ощущением. Как будто кто-то большой и старый положил ладонь ей на плечо. И в этом прикосновении было: «Не бойтесь. Они — пустые. А вы — полные. Пустота боится полноты. Просто будьте собой. Светите. И они не выдержат.»

Лена закрыла глаза. Слёзы текли по щекам — но не от страха. От благодарности.

Она вернулась в дом, легла рядом с Владом. Он обнял её во сне, не просыпаясь.

— Мы справимся, — прошептала она. — Мы же проводники.

А где-то в большом городе, в кабинете с дорогой мебелью, Ратибор Игоревич сидел за столом и смотрел на экран. На экране был график — тот же самый, что и неделю назад. Только теперь он падал ещё быстрее.

— Они отказались? — спросил помощник.

— Отказались, — ответил Ратибор.

— Что будем делать?

Ратибор долго молчал. Потом сказал:

— Ничего. Пока. Они не угроза. Они... — он замаялся,

подбирая слово, — ...странные. Пусть пока будут странными. А потом посмотрим.

Он выключил экран. И в тёмном стекле отразилось его лицо — усталое, серое, пустое.

Он сам не заметил, как стал таким.

Глава 6. Сны Святозара

Святозар начал видеть сны в ту же ночь, когда приезжали Серые.

Лена заметила это утром — сын проснулся раньше обычного, сидел на кровати, обхватив колени руками, и смотрел в стену. Не плакал. Не звал. Просто сидел.

— Сынок? — Лена присела рядом. — Ты чего?

— Мам, — сказал он тихо. — Я видел город.

— Какой город?

— Большой. Там много домов. И много людей. Но они...

— он замялся, подбирая слово, — ...они как будто спят. Глаза открыты, а спят.

Лена почувствовала холодок.

— Расскажи.

— Они сидят в комнатах. Смотрят в экраны. И боятся. — Святозар говорил ровно, без эмоций, как будто пересказывал увиденное, а не придуманное. — Один дядя хотел выйти на улицу, но подумал, что там опасно. Тётя хотела позвонить соседке, но подумала, что соседка её не любит. Мальчик хотел поиграть с другим мальчиком, но подумал, что тот его обидит. Все боятся. И никто не выходит.

— А что снаружи? — спросила Лена.

— Снаружи — пусто. Улицы пустые. Магазины пустые. Только экраны светятся. И ещё... — он поднял глаза, — ...

там есть серые люди. Они ходят по улицам и смотрят, чтобы никто не вышел. Если кто-то выходит — они говорят: «Не надо. Вернитесь. Там опасно».

— Кто они?

— Не знаю. Они не злые. Они просто... серые. Как туман.

Лена обняла сына. Он прижался к ней, но не заплакал. Просто сидел.

— Это сон? — спросила она.

— Нет, — ответил Святозар. — Это правда. Только не сейчас. Потом.

Влад выслушал Лену молча.

— Он видит будущее, — сказала она. — Не всё. Не как кристалл. Но видит. И это не просто сны. Это предупреждение.

— Что мы можем сделать? — спросил Влад. — Ему три года. Мы не можем объяснить ему, что такое «система страха». Он просто видит.

— Можем, — сказала Лена. — Он уже понимает больше, чем мы думаем. Просто надо говорить с ним на его языке.

Вечером Влад сел рядом со Святозаром на крыльце. Взял варган, приложил к зубам, ударил по язычку. Тихая вибрация поплыла над двором.

— Сынок, — сказал он. — Расскажи мне про город. Который ты видел.

Святозар посмотрел на него. Потом сказал:

— Там темно. Не как ночью. А как... как в комнате, где

выключили свет, но окна заклеили. И никто не хочет открыть окно. Потому что бояться, что там что-то страшное.

— А что там на самом деле?

— Там свет, — просто ответил мальчик. — Но они не знают. Им сказали, что там темно. И они поверили.

Влад помолчал. Потом спросил:

— А ты видел что-нибудь хорошее? В своих снах?

Святозар улыбнулся — впервые за день.

— Да. Есть островки. Маленькие. Как наш двор. Там люди вместе. Они поют. И смеются. И помогают друг другу. И там тепло. Даже когда холодно.

— Много таких островков?

— Пока мало. Но они растут. Как цветы. Если их поливать — они растут.

Влад обнял сына. Святозар прижался к нему и вдруг сказал:

— Пап, а можно я буду сажать такие островки?

— Можно, — ответил Влад. — Ты уже сажаешь. Каждый день. Когда играешь с Аней и Катей. Когда учишь Тимура. Когда просто светишься.

— Я свечусь?

— Ещё как.

Святозар засиял. И в этот момент варган в руках Влада вдруг загудел сам — без удара, без дыхания. Просто завибрировал, как будто откликнулся на что-то.

Влад посмотрел на инструмент. Потом на сына.

— Это ты? — спросил он.

— Не знаю, — честно ответил Святозар. — Я просто почувствовал, что надо.

В ту ночь Святозар увидел второй сон.

Он рассказал его утром, за завтраком — всем. Не потому, что хотел. Просто не мог молчать.

— Я видел Россию, — сказал он. — Она как... как большое сердце. Красное. И тёплое. Но оно болеет. Внутри есть чёрные пятна. И оно бьётся неровно. Иногда замирает.

— Что ещё? — тихо спросил Сергей.

— А ещё есть люди. Они стоят вокруг сердца. И держат его. Руками. Чтобы оно не упало. — Святозар показал, как они держат — ладонями, бережно. — Они устали. Но не уходят. Потому что знают: если уйдут — сердце остановится.

— Кто эти люди? — спросила Лена.

— Не знаю. Но они наши. Они похожи на нас. И ещё... — он замялся, — ...там есть свет. Из сердца. Он пробивается через чёрные пятна. Как солнце через тучи. И если людей будет больше — свет победит.

Тишина повисла за столом.

Потом Сергей сказал:

— Это пророчество?

— Это сон, — ответила Лена. — Но сны Святозара — не просто сны. Он видит то, что есть. И то, что может быть.

— Может быть? — переспросил Мирослав. — То есть это не приговор?

— Нет, — твёрдо сказала Лена. — Будущее не predetermined. Земля говорила: «Оно создаётся. Каждым выбором». Святозар видит варианты. Наш выбор — какой вариант станет реальностью.

Святозар кивнул:

— Мам, я видел ещё один город. Где всё хорошо. Там люди на улицах. Они здороваются. Дети играют. Старики сидят на лавочках и улыбаются. И там нет серых. Совсем нет.

— Это будущее? — спросил Влад.

— Это один из вариантов, — серьёзно ответил мальчик. — Если мы будем светить. Если будем сажать островки. Если не сдадимся.

Он помолчал, потом добавил:

— Но чтобы это случилось — надо, чтобы много людей проснулось. Не только мы. Много.

— Сколько? — спросил Радмир.

Святозар задумался. Потом сказал:

— Я не знаю цифру. Но это как... как костёр. Если мало дров — он гаснет. Если много — горит. Нам нужно много дров.

Днём Лена сидела в комнате, листала ноутбук.

Она искала всё, что могла, про ноосферу. Про сны. Про детей, которые «видят». И находила — одно за другим.

Статьи о ноосферном образовании. О школах, где детей учат «получать информацию из поля». О том, что Вернадский писал: человечество становится «геологической си-

лой», и теперь на нас лежит ответственность — мы должны «осознанно управлять» планетой, чтобы сохранить жизнь .

Лена читала и чувствовала: это не случайно. Она нашла это не потому, что искала. Она нашла это потому, что ноосфера сама подсказала. Как будто кто-то большой и старый вёл её за руку.

Она закрыла ноутбук, вышла на крыльцо. Святозар играл во дворе с Аней и Катей — учил их «слушать камни».

— Мам! — крикнул он. — Этот камень говорит, что он старый. Он помнит мамонтов!

— Мамонтов? — улыбнулась Лена.

— Ага! Он говорит, что мамонты были большие и тёплые. И что они не боялись людей. Потому что люди тогда были добрые.

Лена замерла.

— А сейчас? — спросила она.

Святозар посмотрел на неё. Глаза у него были серьёзные, недетские.

— Сейчас люди забыли. Но вспомнят. — Он улыбнулся.
— Камень сказал, что вспомнят. Он верит в нас.

Лена присела рядом с ним. Обняла.

— Сынок, — сказала она. — Ты знаешь, что ты особенный?

— Знаю, — кивнул он. — Но не потому, что я лучше. А потому, что я помню. Все могут. Просто забыли.

Лена заплакала. Тихо. От счастья.

Ночью Влад и Лена сидели на крыльце. Дети спали. В доме было тихо.

— Он растёт, — сказала Лена. — Быстрее, чем мы думали.

— Он растёт правильно, — ответил Влад. — Он не «особенный» в смысле «выше других». Он помнящий. И он прав: все могут. Просто забыли.

— Мы должны научить их вспоминать, — сказала Лена. — Не только детей. Взрослых. Всех.

— Значит, будем учить, — Влад взял варган, приложил к зубам, ударил по язычку. Вибрация поплыла над двором, над посёлком, над спящей землёй. — Будем сажать островки. Будем светить. Будем вспоминать вместе.

Лена прижалась к его плечу.

— А Серые?

— Серые? — Влад усмехнулся. — Они пустые. А мы — полные. Пустота боится полноты. Они не выдержат. Просто надо время.

Он ударил по язычку ещё раз. И где-то в глубине, под землёй, что-то отозвалось — тихо, но отчётливо. Как будто Земля услышала и ответила.

А в большом городе, в комнате с задёрнутыми шторами, человек в дорогом костюме смотрел на экран. График падал. Люди переставали бояться. И он впервые почувствовал страх.

Не за власть. За себя.

Потому что пустота, которая живёт страхом, боится того, что страха больше нет.

Глава 7. Первое исцеление города

Звонок пришёл ночью.

Лена проснулась от того, что телефон на тумбочке завибрировал. Незнакомый номер. Она хотела сбросить — но что-то остановило. Рука сама потянулась к трубке.

— Алло?

На том конце — тишина. Потом женский голос, дрожащий, приглушённый, как будто говорили из-под одеяла:

— Это... это целительница? Которая травами лечит?

— Да, — ответила Лена. — Кто вы?

— Меня зовут Ольга. Я из Екатеринбурга. — Голос сорвался. — У меня сын. Ему шесть. Врачи сказали — не жилец. Лейкоз. Последняя стадия. Я... я не знаю, кому ещё звонить. Мне дали ваш номер. Сказали, вы помогаете.

Лена села на кровати. Влад уже проснулся — он всегда просыпался, когда она волновалась.

— Ольга, — сказала Лена мягко. — Я не волшебница. Я не обещаю чуда.

— Я знаю. Я просто... — женщина заплакала. — Я просто не могу больше. Я одна. Муж ушёл. Родители умерли. Я работаю на двух работах, чтобы платить за лечение. А оно не помогает. И я... я боюсь остаться одна.

Лена закрыла глаза. Она чувствовала эту боль — через телефон, через расстояние, через ноосферу. Женщина была

не просто напугана. Она была пуста. Как будто из неё выпили всё.

— Ольга, — сказала Лена. — Мы приедем. Завтра.

— Правда? — голос дрогнул. — Вы... вы правда приедете?

— Правда. Скиньте адрес. И не бойтесь. Мы рядом.

Она положила трубку. Влад смотрел на неё.

— Екатеринбург? — спросил он.

— Екатеринбург, — кивнула Лена. — Мальчик умирает.

Шесть лет. Мать одна.

Влад помолчал. Потом сказал:

— Едем.

— А дети?

— Оставим на Мирослава и Злату. Они справятся.

Лена кивнула. Потом добавила:

— Влад, это первый город. Первый раз, когда мы едем не к своим. Не в посёлок. В систему.

— Знаю, — ответил он. — Поэтому и едем. Если не мы — кто?

Утром они собрались быстро.

Святозар, узнав, что родители уезжают, сначала надулся. Потом подошёл к Лене и сказал:

— Мам, а можно я с вами?

— Нельзя, сынок. Там город. Там серые.

— Я их не боюсь, — серьёзно сказал он. — Я их вижу. Они пустые. А пустые не страшные.

Лена присела перед ним на корточки:

— Святозар. Ты нужен здесь. С Аней и Катей. С Тимуром.

Ты — учитель. А учителя не бросают учеников.

Мальчик подумал. Потом кивнул:

— Ладно. Но вы вернётесь?

— Вернёмся, — пообещала Лена. — Обязательно.

Дорога заняла пол дня.

Ехали на «буханке» — Влад, Лена и Сергей. Сергей вы-
звался сам: «В городе может быть опасно. Я умею быть неза-
метным». Он сидел за рулём, вёл ровно, молча. Иногда по-
глядывал в зеркало — привычка.

Лена смотрела в окно. За стеклом проплывали дерев-
ни, поля, леса. А потом — город. Большой, серый, шум-
ный. Многоэтажки, реклама, машины. Люди, которые шли
по улицам, глядя в телефоны. Никто не смотрел друг на дру-
га.

— Вот он, — тихо сказала Лена. — Город.

— Какой? — спросил Сергей.

— Больной, — ответила она. — Он болеет. Я чувствую.
Воздух тяжёлый. Земля под асфальтом стонет. Она не может
дышать.

Влад взял её за руку:

— Мы здесь ненадолго. Сделаем дело — и уедем.

— А если не получится?

— Получится, — твёрдо сказал он. — Мы же проводники.

Адрес, который скинула Ольга, привёл их в спальный рай-

он.

Панельная девятиэтажка, обшарпанный подъезд, запах сырости. Квартира на пятом этаже. Дверь открыла женщина — худая, бледная, с красными глазами. Лет тридцать пять, но выглядела на пятьдесят.

— Вы... — она посмотрела на них, — ...вы целители?

— Мы, — ответила Лена. — Здравствуйте, Ольга.

Женщина заплакала. Молча, без всхлипов. Просто слёзы текли по щекам.

— Проходите, — сказала она. — Он в комнате.

Комната была маленькой, но чистой. На кровати лежал мальчик — худой, бледный, с синяками под глазами. Дышал тяжело, с хрипами. Рядом стояла капельница.

— Дима, — тихо сказала Ольга. — Димочка. К тебе пришли.

Мальчик открыл глаза. Мутные, усталые. Посмотрел на Влада, на Лену, на Сергея. Потом сказал — еле слышно:

— Вы... вы светлые?

Лена вздрогнула:

— Почему ты так решил?

— Я вижу, — прошептал Дима. — У вас внутри свет. Как солнце. Только маленькое.

Ольга ахнула:

— Он... он раньше такого не говорил.

— Он видит, — сказала Лена. — Как Святозар. Просто он болеет, и это заглушает дар. Но дар есть.

Она села рядом с кроватью. Влад встал сзади, положил руку ей на плечо. Сергей остался у двери — на всякий случай.

— Дима, — сказала Лена. — Я сейчас положу руки тебе на грудь. Будет тепло. Может, даже горячо. Не бойся.

— Я не боюсь, — ответил мальчик. — Я ждал вас.

Лена положила ладони ему на грудь. Закрыла глаза. Зелёные нити потянулись от её пальцев — в тело мальчика, к больным клеткам, к костному мозгу, к крови. Она чувствовала, как болезнь сопротивляется. Как она цепляется за жизнь — злая, голодная, но слабая по сравнению со светом.

— Влад, — прошептала она. — Помогай.

Влад направил солнечный свет через неё. Золото смешалось с зеленью. Дима охнул — но не от боли. От тепла.

— Мама, — сказал он. — Мне хорошо.

Болезнь дрогнула. Лена почувствовала, как чёрные пятна в крови мальчика начали таять. Медленно, одно за другим. Она давила, не отпускала. Влад добавлял силы. Сергей стоял у двери и смотрел — и впервые за много лет молился. Просто, без слов.

Прошло двадцать минут. Полчаса. Час.

Лена открыла глаза. Она была бледной, руки дрожали. Но улыбалась.

— Всё, — сказала она. — Он чистый.

Ольга бросилась к сыну:

— Дима! Димочка!

Мальчик открыл глаза. Они были ясные. Не мутные. И

щёки порозовели.

— Мам, — сказал он. — Я есть хочу.

Ольга разрыдалась. Упала на колени, схватила Лену за руки:

— Спасибо! Спасибо вам! Я... я не знаю, как...

— Встаньте, — сказала Лена. — Не надо на колени. Мы не боги.

— А кто вы?

— Проводники, — ответила Лена. — Мы просто проводим свет. Он есть везде. Просто не все его видят.

Ольга не отпустила их ночевать в гостиницу. Постелила на кухне, накормила, напоила чаем. Дима уснул — впервые за много месяцев спокойно, без капельницы.

На кухне сидели втроем — Влад, Лена, Сергей. Ольга хлопотала у плиты.

— Ольга, — спросила Лена. — Как вы нас нашли?

— Через интернет, — ответила женщина. — Я искала... всё. Травы, знахарей, целителей. Наткнулась на форум. Там писали про вас. И про ноосферу. — Она замаялась. — Я сначала не поверила. Но потом... — она посмотрела на сына, спящего в соседней комнате, — ...потом поняла: терять нечего.

— А что вы знаете про ноосферу? — спросил Влад.

— Немного. — Ольга села напротив. — Это как... общее поле. Где всё связано. Мысли, чувства, знания. Учёные говорят, что это новая стадия развития Земли. Что челове-

ство стало силой, которая меняет планету. И теперь мы ответственные за всё .

— А вы верите в это? — спросила Лена.

— Теперь — верю, — сказала Ольга. — Потому что когда я звонила вам, я чувствовала, что вы ответите. Как будто кто-то подсказал мне номер. Как будто... — она запнулась, — ... как будто сама Земля хотела, чтобы вы приехали.

Лена переглянулась с Владом.

— Ольга, — сказала она. — А вы знаете, что ваш сын видит?

— Что видит?

— Свет. В людях. Он сказал, что мы «светлые». Он видел ауру.

Ольга побледнела:

— Это... это опасно?

— Нет, — улыбнулась Лена. — Это дар. Просто он болел, и дар был слабым. Теперь он здоров. И дар проснётся. Полностью.

— Что мне делать? — прошептала Ольга.

— Растить, — ответила Лена. — Любить. И не бояться. А если что-то будет непонятно — звоните. Мы поможем.

Ольга заплакала. Но теперь — от облегчения.

Утром, когда они уже собирались уезжать, Дима вышел в коридор. Он выглядел почти здоровым — румяный, с ясными глазами.

— Дядя Влад, тётя Лена, — сказал он. — Спасибо.

— Не за что, — ответил Влад. — Ты сильный. Просто помни это.

Дима кивнул. Потом сказал:

— Я видел сон. Пока спал. Там был город. Наш город. И в нём загорались огоньки. Маленькие. Как свечи. Сначала одна. Потом две. Потом много. И город просыпался.

Лена присела перед ним:

— Это хороший сон.

— Да, — сказал Дима. — Это не сон. Это правда. Только не сейчас. Потом.

Лена вздрогнула. Он сказал то же самое, что говорил Святотзар.

Она обняла мальчика. Потом они ушли.

В машине Сергей долго молчал. Потом сказал:

— Я видел многое. Но такое — впервые.

— Что именно? — спросил Влад.

— Как вы лечите. Не руками. Не травами. Светом. Я не понимаю, как это работает. Но я видел: болезнь уходила. Прямо на глазах.

— Это не мы, — сказала Лена. — Мы просто проводники. Свет идёт через нас.

— А я? — спросил Сергей. — Я могу так?

— Можешь, — ответила Лена. — Когда-нибудь. Если захочешь. Но у тебя другой дар.

— Какой?

— Ты умеешь защищать, — сказала она. — И организо-

вывать. Это тоже свет. Просто другой.

Сергей помолчал. Потом сказал:

— Знаете, я двадцать лет думал, что мир — это война. Что люди — это враги. А теперь... — он усмехнулся, — ...теперь я думаю, что мир — это больница. И мы — врачи. Только не все это понимают.

— Точно, — улыбнулся Влад. — Мы — врачи. Только без халатов.

Они ехали обратно. За стеклом проплывал город — серый, шумный, больной. Но где-то в нём — в панельной девятиэтажке, на пятом этаже — горел огонёк. Маленький. Но настоящий.

Первая искра.

Дома их встретил Святозар. Он выбежал на крыльцо, обнял маму, потом папу. Потом посмотрел на Сергея и сказал:

— Дядя Сергей, вы светитесь. Сильнее, чем раньше.

Сергей опешил:

— Я?

— Да, — кивнул мальчик. — Вы поверили. Теперь свет не прячется. Он вышел.

Сергей посмотрел на свои руки. Потом на Влада. Потом на Лену. И вдруг понял: он действительно чувствует что-то. Тепло. В груди. Там, где двадцать лет было холодно.

— Спасибо, — сказал он тихо. — Не знаю, кому. Но спасибо.

А вечером, когда все собрались за столом, Лена сказала:

— Мы зажгли первую искру в городе. Но это только начало. Городов много. Людей много. Мы не успеем везде.

— Успеем, — сказал Влад. — Не одни. С Общиной. С сетью. С ноосферой. Мы проводники. А проводников становится больше.

Святозар поднял кружку с чаем:

— За искры!

— За искры! — подхватили все.

И где-то в большом городе, в панельной девятиэтажке, мальчик Дима смотрел в окно и улыбался. Потому что он видел: огоньки загорались. Сначала один. Потом два. Потом много.

Город просыпался.

Глава 8. Давление системы

Первым пришёл участковый.

Молодой, лет двадцати восьми, в форме, с папкой. Вежливый. Даже слишком.

— Здравствуйте. Участковый Смирнов. Есть заявление.

Влад вышел на крыльцо, вытирая руки о тряпку — чинил забор.

— Какое заявление?

— От гражданки Фёдоровны. — Участковый открыл папку. — Пишет, что вы... — он замялся, читая, — ...«осуществляете незаконную медицинскую деятельность», «вовлекаете несовершеннолетних в сектантские обряды» и «используете неизвестные приборы для воздействия на психику».

Влад моргнул:

— Приборы?

— Варган, — пояснил участковый. — Гражданка Фёдоровна утверждает, что вы «зомбируете людей через музыкальный инструмент».

Влад не выдержал — рассмеялся. Участковый нахмурился:

— Гражданин, это официальное заявление. Смеяться не положено.

— Извините, — Влад откашлялся. — Просто... Фёдоров-

на? Она же сама приходила к нам лечиться. Мы её от инсульта спасли. Злата её выхаживала.

— Это ваши слова. А в заявлении — другие. — Участковый закрыл папку. — Я обязан провести проверку. Опрос соседей, осмотр помещений, изъятие «приборов».

— Изъятие?

— Варган. Для экспертизы.

Влад почувствовал, как внутри поднимается холодок. Не гнев. Что-то другое. Он включил чтение мыслей.

И увидел: участковый не хотел этого делать. Он был нормальным парнем. Просто исполнял. Ему сказали — он делал. Не потому что злой. Потому что боялся не сделать. Боялся потерять работу. Боялся проблем.

Серый. Молодой, но уже серый.

— Хорошо, — сказал Влад. — Проводите проверку. Только скажите: кто вам дал заявление?

— Гражданка Фёдоровна.

— А кто ей подсказал написать?

Участковый замялся:

— Это... это не в моей компетенции.

Влад кивнул. Он уже знал. Ратибор. Или кто-то из его людей. Они не пришли сами. Они использовали бабку. Потому что бабка — своя. Ей поверят. А если бы пришли люди в костюмах — народ бы насторожился.

— Ладно, — сказал Влад. — Заходите. Покажу вам варган. И даже дам поиграть.

Участковый растерялся:

— Мне... мне не положено.

— А вы не как участковый. Как человек. Хотите?

Парень помолчал. Потом тихо сказал:

— Хочу. У меня спина болит. С армии.

Влад провёл его в мастерскую. Дал варган. Показал, как прикладывать к зубам и ударять по язычку. Участковый неумело попробовал. Вибрация поплыла по комнате.

И вдруг он выдохнул. Глубоко, как будто годы не дышал.

— Ох, — сказал он. — Спина... отпустило.

— Это варган, — сказал Влад. — Не зомбирует. Лечит.

Участковый посмотрел на него. В глазах — растерянность. Потом — благодарность. Потом — страх. Не перед Владом. Перед тем, что скажет начальство.

— Я... я напишу, что проверка проведена. Нарушений нет. Прибор безопасен. — Он встал. — Но вам лучше... — он замялся, — ...лучше не высовываться. Пока.

— Пока? — переспросил Влад.

— Пока не разберутся. — Участковый надел фуражку. — Извините.

Он ушёл. Влад стоял в мастерской и смотрел ему вслед.

Серые не нападали. Они давили. Медленно, аккуратно, бумагами.

Через два дня пришла проверка из администрации.

Женщина в строгом костюме, с планшетом. Представилась: «Комиссия по надзору за образовательной деятельностью».

стью». Сказала, что поступила жалоба на «незаконное обучение детей».

— Вы обучаете детей? — спросила она, глядя на Аню, Катю и Тимура, которые сидели под яблоней и что-то рисовали.

— Мы играем, — ответила Лена. — Дети играют. Учатся слышать природу.

— Это образовательная программа?

— Нет. Это жизнь.

Женщина поджала губы:

— Если вы обучаете детей без лицензии — это нарушение. Я должна составить протокол.

— Составляйте, — спокойно сказала Лена. — Только сначала посмотрите.

Она подвела женщину к детям. Святозар как раз объяснял Тимуру, как «слушать камень».

— Тимур, что ты слышишь?

— Он говорит, что он старый, — ответил мальчик. — И что он видел, как тут раньше рос лес. Большой. А потом пришли люди и срубили.

Женщина вздрогнула:

— Это... это он сам придумал?

— Нет, — ответила Лена. — Он услышал. Камень помнит.

— Камни не могут помнить, — сказала женщина. Но голос её дрогнул.

— Могут, — сказал Святозар, подходя. — Всё помнит. Камни, трава, вода. Просто люди разучились слышать. А мы

вспоминаем.

Женщина посмотрела на него. Долго. Потом закрыла планшет.

— Я... я не буду составлять протокол, — сказала она тихо. — Но вам советую оформить всё официально. Иначе будут приходить снова. И снова. Пока не найдут, к чему прицепиться.

— Спасибо, — сказала Лена. — Мы подумаем.

Женщина ушла. Но перед этим обернулась:

— А можно... — она замялась, — ...можно мне тоже попробовать? Варган? У меня бессонница.

Лена улыбнулась:

— Можно. Приходите завтра. В шесть.

Женщина кивнула и ушла. Уже не такая строгая.

Но давление не прекратилось.

На следующий день в местной газете — той самой, что выходила раз в неделю — появилась статья. Под заголовком: «Секта в посёлке: кто стоит за "чудесными исцелениями"?»

В статье — ни одного имени. Но всё было понятно: «люди, называющие себя целителями», «дети, которых учат "слышать голоса"», «музыкальный инструмент, воздействующий на психику», «финансирование из неизвестных источников».

Влад прочитал статью вслух. Все сидели за столом. Тишина.

— Это ложь, — сказал Мирослав.

— Это не ложь, — возразил Влад. — Это полуправда. Самый опасный вид лжи. Всё вроде бы правда: мы лечим, мы учим детей, у нас есть варган. Но подано так, что выглядит страшно.

— Кто это написал? — спросил Сергей.

— Неважно, — ответила Лена. — Важно — зачем. Они хотят, чтобы люди испугались. Чтобы отвернулись. Чтобы мы остались одни.

— И что делать? — спросил Радмир.

— Ничего, — сказал Влад. — Не оправдываться. Не спорить. Просто продолжать. Светить. Люди увидят. Кто-то поверит статье. А кто-то — своим глазам.

Он встал, вышел на крыльцо. Взял варган. Приложил к зубам, ударил по язычку.

Вибрация поплыла над посёлком. Тихая, ровная. И люди, которые читали статью и хмурились, вдруг останавливались. Слушали. И что-то внутри них оттаивало.

Бабка Фёдоровна, которая написала заявление, сидела на лавочке. Услышала варган. И вдруг заплакала.

— Что я наделала, — прошептала она. — Что я наделала...

Вечером пришёл дядя Паша.

Он не стучал — просто зашёл, сел на лавку, вытер лоб.

— Слышал про статью, — сказал он. — И про проверки.

— Слышал, — кивнул Влад.

— Это не мы. — Дядя Паша посмотрел ему в глаза. —

Это не посёлок. Это кто-то сверху. Я не знаю кто. Но я знаю: наши так не делают. Наши — если что не так, в лицо скажут. А это — подлю.

— Знаю, — сказал Влад. — Ратибор.

— Кто?

— Человек из администрации. Приезжал. Предлагал «сотрудничество». Мы отказались.

Дядя Паша помолчал. Потом сказал:

— Влад. Ты знаешь, что я тебя с детства знаю. Ты электрик. Нормальный мужик. А потом — женился, дети, эта вся история с Аркаимом. Я не всё понимаю. Но я вижу: ты людей не обманываешь. Ты помогаешь. И Лена помогает. И эти, — он кивнул на дом, где жили Мирослав и Злата, — тоже. Я не знаю, что там у вас за силы. Но я знаю: вы хорошие.

— Спасибо, дядь Паш.

— Не за что. — Дядя Паша встал. — Я на собрании скажу. Пусть народ решает. Не газета. Не начальство. Народ.

Он ушёл. А Влад стоял и смотрел ему вслед.

Народ. Вот кто был настоящей силой. Не Ратибор. Не система. Народ.

Собрание устроили через день.

В клубе — том самом, с вывеской «Дом культуры». Собралось человек пятьдесят. Почти все — свои. Бабки, мужики, молодёжь. Фёдоровна сидела в углу, красная, с опущенными глазами.

Дядя Паша вышел вперёд:

— Мы тут собрались, чтобы решить. Про Влада и Лену. Про их общину. Про то, что в газете написали.

— А чего решать? — крикнул кто-то. — Они людей лечат! Бесплатно!

— Лечат, — согласился дядя Паша. — А газета пишет — секта.

— Газета врёт!

— Может, и врёт. А может, нет. — Дядя Паша обвёл всех взглядом. — Я предлагаю: пусть каждый скажет, что видел. Лично. Не по газете. Не по слухам. Лично.

Первым встал мужик с перевязанной рукой — тот самый, которому Лена рану заживила.

— Я скажу, — сказал он. — У меня рука гноилась. Три недели. Врачи говорили — резать. А Лена за день вылечила. Я не знаю, как. Но я видел.

Потом встала бабка:

— А мне Злата спину поправила. Я двадцать лет согнутая ходила. А теперь прямая.

Потом — парень:

— У меня мать, сердце. Они её спасли. Врачи отказались. А они — нет.

Люди говорили один за другим. Про спины, про руки, про сердца, про души. Про то, как дети стали спокойнее. Как соседи стали здороваться. Как в посёлке стало теплее.

Фёдоровна сидела, вжавшись в стул. Потом встала. Все замолчали.

— Я... — она запнулась. — Я написала заявление. На них. Мне сказали... мне заплатили. Чёрный человек. Сказал: «Напиши, и я тебе молодость верну». Я старая, глупая. Поверила. — Она заплакала. — А они мне спину вылечили. И сердце. И не попрекнули. Простите меня, люди добрые. Простите, Христа ради.

Тишина. Потом кто-то сказал:

— Бог простит.

И все закивали.

После собрания дядя Паша подошёл к Владу:

— Ну вот. Народ решил. Вы — наши. Пусть газета пишет что хочет. Мы знаем правду.

— Спасибо, — сказал Влад. — Но это не конец. Они вернутся.

— Знаю, — кивнул дядя Паша. — Поэтому предлагаю: давай оформим всё. Официально. Общину. Школу. Чтобы не к чему было прицепиться.

Влад посмотрел на него. Потом на Сергея, который стоял рядом.

— Сергей, ты говорил, что умеешь организовывать. Сможешь?

— Смогу, — ответил Сергей. — Я двадцать лет оформлял документы. Знаю, как это делается.

— Тогда — за работу, — сказал Влад. — Оформим Общину. Официально. Чтобы система не могла нас тронуть.

— А если тронет? — спросил дядя Паша.

— Тогда, — Влад улыбнулся, — у нас есть народ. А народ — сильнее системы.

Он взял варган. Приложил к зубам. Ударил по язычку.

Вибрация поплыла над посёлком. Над домами. Над людьми. Над землёй.

И где-то в большом городе, в кабинете с дорогой мебелью, Ратибор смотрел на экран. График падал. Но теперь — медленнее. Потому что кто-то сопротивлялся. Кто-то не боялся.

— Они оформляются, — сказал помощник. — Регистрируют общину. Как НКО.

Ратибор молчал. Потом сказал:

— Пусть оформляются. Бумаги — это хорошо. Бумаги можно использовать. Подожди. Пока они легальны — они уязвимы. Найдём, за что зацепиться.

Он выключил экран. И в тёмном стекле снова отразилось его лицо — серое, пустое.

Но на этот раз в нём было что-то ещё. Что-то, чего он сам не ожидал.

Сомнение.

Глава 9. Устав Общины

Сергей Воронов оказался человеком дела.

Через неделю после собрания он сидел за столом в доме Влада и Лены с кипой бумаг. Рядом — ноутбук, в котором он методично заполнял формы. На столе — чай, пироги и черновик Устава, переписанный уже в третий раз.

— Значит, так, — сказал он, не поднимая головы. — Община оформляется как некоммерческая организация. Название — «Община Света». Юридический адрес — наш посёлок. Учредители — ты, Влад, и ты, Лена. Я — исполнительный директор. Остальные — участники.

— А Мирослав? Злата? Радмир? Радмила? — спросила Лена.

— Участники. Полноправные. Просто не учредители. Так проще с бумагами.

— А дети? — спросил Влад.

Сергей поднял глаза:

— Дети — ученики. Школа — отдельно. Мы оформим её как «образовательный центр дополнительного развития». Без лицензии — но в рамках закона. Кружки, секции, «развитие творческих способностей». Это разрешено.

— А варганотерапия? — спросила Лена.

— «Музыкально-оздоровительные практики», — ответил Сергей. — Тоже разрешено. Если не называть это «лечени-

ем». Лечение — только по лицензии. А практики — можно.

Влад усмехнулся:

— Ты всё продумал.

— Я двадцать лет в системе, — ответил Сергей. — Знаю, как она работает. И знаю, как не дать ей себя съесть.

Он отодвинул бумаги, посмотрел на Влада и Лену:

— Но главное — не бумаги. Главное — сеть. Община — это не здание. Не документ. Это люди. Если людей много — никакие бумаги не страшны.

— Сколько нас сейчас? — спросил Влад.

— В посёлке — человек двадцать. Плюс те, кто приезжает. Плюс Ольга из Екатеринбурга. Плюс Дима. Плюс те, кто читал про нас в интернете. — Сергей пожал плечами. — Точно не знаю. Но больше, чем вчера.

— Значит, надо связать их, — сказала Лена. — Чтобы они знали друг друга. Чтобы помогали. Чтобы сеть работала.

— Вот об этом я и хотел поговорить, — сказал Сергей.

Устав переписали к вечеру.

Он получился коротким — на одну страницу. Сергей настоял: «Чем короче, тем понятнее. Люди не читают длинные документы».

УСТАВ ОБЩИНЫ СВЕТА

Один за всех, и все за одного.

Помогай не за деньги, а по совести.

Не осуждай — предлагай.

Защищай слабого — это твоя сила.

Уважай землю, которая тебя кормит.

Учись сам — учи другого.

Свет не прячь. Но и не навязывай.

Кто берёт больше, чем отдаёт — уходит. Без злобы.

Просто — не нам.

Мы — часть ноосферы. Мы не хозяева её — мы проводники. Свет, который мы проводим, идёт оттуда. И туда же возвращается.

Сеть — не клетка. Мы не держим никого. Мы просто рядом.

Влад прочитал. Потом перечитал. Потом сказал:

— Десятый пункт. «Сеть — не клетка». Это важно. Чтобы не превратиться в секту.

— Поэтому и написал, — кивнул Сергей. — Секта — это когда нельзя уйти. А у нас — можно. Но не хочется.

Лена взяла лист, посмотрела на него долгим взглядом. Потом сказала:

— Знаете, что я чувствую? Когда читаю это?

— Что?

— Что это не мы написали. — Она подняла глаза. — Это ноосфера. Мы просто записали то, что там уже было.

Влад кивнул:

— Я то же самое чувствую. Как будто не придумываем, а вспоминаем.

— Это и есть ноосфера, — сказал Сергей. — Общее поле. Океан разума. Мы в нём живём. Просто раньше не замечали.

Он помолчал. Потом добавил:

— Я вчера читал про Вернадского. Он писал, что человечество стало «геологической силой». Что мы меняем планету. И что теперь на нас — ответственность. Не «права», а ответственность. Чтобы сохранить жизнь. Чтобы жить в гармонии .

— Значит, мы — гармония, — сказала Лена.

— Мы — проводники гармонии, — поправил Влад. — Ноосфера — это не только разум. Это связь. Всего со всем. Людей, зверей, трав, камней. Мы просто восстанавливаем связь.

— А Серые? — спросил Сергей. — Они разрывают связь?

— Да, — ответил Влад. — Они разделяют. На своих и чужих. На «правильных» и «неправильных». Они режут сеть. А мы — вяжем.

— Объединяй и царствуй, — сказал Сергей.

— Объединяй и царствуй, — повторил Влад. — Не над людьми. В сердце.

Через день пришло первое письмо от Ольги.

Не электронное. Бумажное. Конверт, марка, обратный адрес. Лена вскрыла его дрожащими руками.

Здравствуйте, Влад и Лена!

Пишу вам из Екатеринбурга. Дима здоров. Врачи не верят — говорят, ошибка диагностики. Но я-то знаю: это вы.

Дима стал другим. Он видит. Не только свет, но и людей. Говорит, что соседка тётя Валя — «светлая», а дядя Ко-

ля с пятого этажа — «серый, но не страшный». Я сначала пугалась. А теперь понимаю: это дар.

Я рассказала о вас нескольким мамам. Во дворе. Одна — у неё дочка часто болеет. Другая — у неё муж пьёт. Третья — просто устала. Они хотят **помочь**. Не только себе. Другим. Говорят: «Давайте организуем что-то. Как у вас».

Я не знаю, как это делать. Но я хочу. Дима говорит: «Мама, надо. Это как огонёк. Если его не поддерживать — погаснет».

Подскажите, что делать. С уважением, Ольга
Лена дочитала и заплакала.

— Что там? — спросил Влад.

— Огонёк, — ответила она. — Первый огонёк в городе. Ольга хочет сеть. Не для себя — для других.

Влад взял письмо, прочитал. Потом сказал:

— Надо ответить. И не письмом. Надо поехать.

— В Екатеринбург?

— Да. Помочь Ольге организовать ячейку. Не общину — просто точку. Место, где люди собираются. Где помогают. Где светят.

Сергей, который слышал разговор, сказал:

— Я поеду. Организую. Я умею.

— А мы? — спросила Лена.

— А вы — светите здесь. Вы — ядро. Если ядро на месте — сеть растёт.

Влад подумал. Потом сказал:

— Хорошо. Сергей — в Екатеринбург. Мы — здесь. Но надо связать всё. Чтобы люди знали друг друга. Чтобы сеть работала.

— Как? — спросил Сергей.

— Через ноосферу, — сказала Лена. — Через связь. Мы можем чувствовать друг друга. Даже на расстоянии. Если настроимся.

— Настроимся, — кивнул Влад. — Как варган. На одну частоту.

Вечером они собрались у костра — все, кто был в доме.

Сергей уезжал утром. Святозар, узнав, что «дядя Сергей» уезжает, подошёл к нему и сказал:

— Дядя Сергей, я вам дам камешек.

— Какой?

Святозар протянул ему маленький серый камень — обычный, с дороги.

— Он помнит. Когда вам будет трудно — сожмите его. И вспомните нас.

Сергей взял камень. Посмотрел на мальчика. Потом сказал:

— Спасибо, Святозар.

— Не за что, — серьёзно ответил тот. — Вы светлый. Я вижу.

Сергей посмотрел на камень в своей руке. Потом на детей. Потом на Влада и Лену. И вдруг понял: он дома. Впервые за двадцать лет.

Ночью Лена вышла на крыльцо. Прижалась ладонями к земле.

— Ты слышишь? — прошептала она. — Сеть растёт. Огоньки загораются. Серые давят. Но мы держимся.

Ответ пришёл — тёплый, ровный. Как будто Земля улыбнулась.

И в этом тепле Лена вдруг слышала другие голоса. Далеко. В Екатеринбурге. В других городах. Люди, которые просыпались. Которые чувствовали то же самое. Которые искали связь.

Она открыла глаза. Посмотрела на звёзды.

— Мы не одни, — прошептала она.

Влад вышел, сел рядом. Взял варган. Приложил к зубам. Ударил по язычку.

Вибрация поплыла над посёлком. Над домами. Над землёй. И где-то далеко — в Екатеринбурге, в панельной девятиэтажке — мальчик Дима проснулся и улыбнулся.

Он услышал.

Сеть начинала работать.

Глава 10. Пробуждение Аркаима

Аркаим позвал в конце августа.

Лена почувствовала это утром — проснулась от того, что земля под домом гудела. Не тревожно, как перед бурей. Торжественно. Как будто кто-то большой настраивал инструмент перед концертом.

— Влад, — сказала она, сев на кровати. — Надо ехать.

— Куда? — спросил он, ещё не проснувшись до конца.

— В Аркаим. Она зовёт.

Влад открыл глаза. Посмотрел на неё. Потом сказал:

— Собираемся.

Дорога заняла три дня.

Ехали на двух машинах — «буханке» и «УАЗе» Сергея, который успел вернуться из Екатеринбурга с новостями. Ольга организовала первую «точку» — маленькую, на пять человек, но живую. Дима учил соседских детей «видеть свет». Сеть начинала расти.

С Сергеем ехали Мирослав и Злата. С Владом и Леной — Святозар, Аня и Катя. Радмир и Радмила остались в посёлке — «на хозяйстве».

Святозар всю дорогу смотрел в окно и молчал. Лена заметила: он не просто смотрит. Он слушает.

— Что слышишь, сынок? — спросила она.

— Земля поёт, — ответил он. — Везде. Но здесь — гром-

че. Как будто мы едем к сердцу.

— К сердцу чего?

— Всего, — просто ответил он.

Аркаим встретил их тишиной.

Не пустой — наполненной. Тишиной, в которой слышно каждую травинку, каждый камень, каждый вздох ветра. Влад вышел из машины, и у него закружилась голова — так сильно здесь было всё. Он чувствовал, как земля под ногами дышит. Как воздух звенит. Как само небо, кажется, стало ближе.

— Здесь, — прошептала Лена. — Здесь всё началось.

— И здесь всё продолжится, — сказал Влад.

Святозар вышел из машины. Посмотрел на холмы. Потом сказал:

— Мам, пап. Тут люди. Много. Они ждут.

— Кто? — насторожился Сергей.

— Не враги, — успокоил мальчик. — Свои. Просто мы их ещё не знаем.

Они поднялись на гору Шаманку к вечеру.

И увидели: на вершине уже были люди. Не туристы — те разъехались к осени. Проводники. Влад понял это сразу — по аурам. Они светились. По-разному: кто-то золотым, кто-то зелёным, кто-то голубым. Но все — живые.

Их было семеро. Мужчины и женщины разного возраста. Они сидели кругом на камнях, молча, и, казалось, ждали.

Первым поднялся старик — высокий, с длинной белой бородой, в простой холщовой рубаше. Глаза у него были свет-

лые, как вода в горном ручье.

— Здравствуй, Проводник, — сказал он, глядя на Влада.
— Мы ждали тебя.

— Кто вы? — спросил Влад.

— Такие же, как ты, — ответил старик. — Проводники. Из разных мест. Я — из Сибири. Зовут меня Добрыня. Это, — он показал на остальных, — мои братья и сёстры. Из Якутии, с Урала, с Алтая, из Карелии. Есть даже из-за моря — из Индии и с Балкан.

— Откуда вы узнали, что мы приедем?

— Земля сказала, — просто ответил Добрыня. — Она всех позвала. Тех, кто слышит. Мы собрались здесь, потому что это место — узел. Один из главных.

Он подошёл к Владу, посмотрел ему в глаза. Потом на Лёну. Потом на Святозара — и замер.

— Ох, — выдохнул он. — Вот это свет. Я такого не видел.

— Это наш сын, — сказала Лена. — Святозар.

— Святозар, — повторил старик. — Светом озарённый.
— Он покачал головой. — Такие дети рождаются раз в тысячу лет. Вы знаете это?

— Догадываемся, — ответил Влад.

— Значит, вы знаете больше, чем думаете, — сказал Добрыня. — Садитесь. Разговор будет долгий.

Они сели в круг. Костёр развели тут же — кто-то из проводников достал сухие ветки, и огонь занялся сам, без спичек. Влад не удивился. Он уже понял: здесь всё живое.

Добрыня говорил первым.

— Мы — проводники. Нас немного. Но становится больше. — Он обвёл взглядом круг. — Каждый из нас слышит что-то своё. Я — голос Сибири. Она у меня — как мать. Там, где я живу, земля чистая. Ещё чистая. Но её травят. Ищут нефть, газ, руду. Не думают о том, что она живая.

Женщина с зелёными глазами, сидевшая напротив, сказала:

— Я — из Карелии. У нас — леса. Озёра. Мы слышим воду. Она плачет. Её отравляют. Но она ещё жива. И она просит помощи.

Мужчина с Алтая добавил:

— У нас — горы. Они старые. Они видели много. Они помнят, как здесь жили люди, которые умели слышать. Они хотят, чтобы мы вспомнили.

Индиец — худой, с длинными чёрными волосами — сказал:

— У нас — Ганг. Мать-река. Она умирает. Но не сдаётся. Она ждёт, когда люди очнутся.

Влад слушал и чувствовал, как внутри растёт что-то большое. Не тревога. Понимание.

— Мы все — одно, — сказал он, когда все высказались. — Земля — одна. Ноосфера — одна. Мы просто разные её части. Я — Урал. Лена — травы. Святозар — свет. Но мы — одно.

— Да, — кивнул Добрыня. — И это — главное. Потому

что скоро будет испытание. Большое. И если мы будем вместе — выстоим. Если по отдельности — нет.

— Какое испытание? — спросил Сергей.

Добрыня помолчал. Потом сказал:

— Очищение. Земля будет очищаться. Не потому, что злая. А потому, что больна. Вы это знаете. Вы чувствовали. Оно уже началось — где-то там, в глубинах. Сначала — малые знаки. Потом — большие. Но это не конец. Это начало. Как гроза. После неё — чище воздух. Светлее небо. И мы должны помочь людям выжить. Не только телом — духом.

— Мы знаем, — сказала Лена. — Земля говорила.

— Значит, вы готовы, — сказал Добрыня. — И ещё одно. — Он посмотрел на Святозара. — Этот мальчик. Он — не только ваш. Он — наш. Он — будущее. И его надо беречь. Пуще глаза.

— Мы бережём, — сказал Влад.

— Берегите всем миром, — повторил старик. — Потому что он — мост. Между нами и теми, кто придёт после. Он помнит то, что мы забыли. И он научит тех, кто ещё не родился.

Святозар, который всё это слушал, вдруг сказал:

— Дядя Добрыня. Я вижу вас. Вы — как гора. Большая. Старая. Но внутри — свет. Как у всех.

Добрыня вздрогнул. Потом улыбнулся — впервые за вечер.

— Спасибо, мальчик. Ты видишь больше, чем я думал.

Ночью, когда все разошлись по палаткам, Лена вышла на край горы. Посмотрела на степь. Она была живой. Трава светилась слабым зелёным светом. Камни — тёплым, золотым. Воздух — прозрачным, как родниковая вода.

— Ты просыпаешься, — прошептала Лена.

— Да, — сказал Добрыня, подходя. — Она просыпается. Медленно. Но верно. И вы — часть этого.

— Мы просто проводники, — сказала Лена.

— Нет, — покачал головой старик. — Вы — первые. Вы — те, с кого началось. Ваш сын — дитя этого пробуждения. И вы несёте его дальше. Не как ношу — как дар.

— А что с Россией? — спросила Лена. — Святозар видел её — как больное сердце. Люди держат его руками.

Добрыня долго молчал. Потом сказал:

— Россия — сердце Земли. Это не патриотизм. Это правда. Здесь всегда искали смысл. Здесь всегда думали о главном. О Боге, о правде, о жизни и смерти. Эти мысли накопились. В ноосфере. Здесь — узел. И сейчас этот узел болит. Потому что люди забыли. Потому что их разделили. Но именно здесь начнётся рассвет. Не потому, что русские лучше. А потому, что здесь всегда искали свет. И теперь — найдут.

— А другие страны? — спросил Влад.

— Они проснутся тоже, — ответил Добрыня. — Но позже. Россия — первая. Она покажет путь. Не силой. Светом. И если Россия выстоит — выстоит всё. А если нет — всё по-

гаснет.

Он встал, опираясь на посох.

— Но вы выстоите. Я видел. — Он улыбнулся. — Земля сказала. Я ей верю.

Утром проводники собрались на вершине. Добрыня встал в центр круга и поднял руки.

— Братья и сёстры, — сказал он. — Мы разные. Но мы одно. Давайте свяжемся. Не словами — сердцем. Пусть каждый пошлёт свет в общий круг. И круг замкнётся.

Они взялись за руки. Влад почувствовал, как от каждого идёт свет — свой, особенный. Золото, зелень, голубизна, тепло. Свет смешался. И вдруг Влад увидел: над ними, над горой, над всей степью — сфера. Огромная, светящаяся, живая. Она пульсировала, как сердце.

— Ноосфера, — прошептал он.

— Да, — сказал Добрыня. — Мы видим её. Вместе. Всегда. Просто по одному — не замечаем. А вместе — видим.

Святозар поднял руки к сфере. И она отозвалась. Волна света прошла по степи. Трава засветилась ярче. Камни загудели. Воздух зазвенел.

И все — проводники, дети, Сергей, Мирослав, Злата — почувствовали одно и то же.

Мы не одни. Мы вместе. Мы — сеть. Мы — свет.

Обратно ехали молча. Но это было хорошее молчание. Наполненное.

Святозар спал на коленях у Лены, улыбаясь во сне. Аня и

Катя смотрели в окно. Сергей вёл машину и о чём-то думал.

— Знаешь, — сказал Влад, — я раньше думал, что мы — маленькие. Что нас — мало. Что мы ничего не изменим.

— А теперь? — спросила Лена.

— Теперь я знаю: нас много. Просто мы разбросаны. Но сеть — растёт. И скоро — соединится. И тогда...

— Что тогда?

— Тогда, — Влад улыбнулся, — начнётся рассвет.

Он посмотрел на запад. Там, за горизонтом, садилось солнце. Но он знал: завтра оно взойдёт снова.

И не только над Аркаимом.

Над всей Землёй.

Глава 1

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.